

Максимилиан Волдорф

**Хроники
Вернера.
Дедукция
уровня**

Максимилиан Волдорф

**Хроники Вернера. Дедукция
уровня "показалось"**

«Автор»

2026

Волдорф М.

Хроники Вернера. Дедукция уровня "показалось" /
М. Волдорф — «Автор», 2026

Молодой лейтенант Максим Вернер уже мысленно паковал чемоданы для ссылки в самую глухую провинцию, когда судьба подкинула ему шанс — командировку в загадочный Аннамир. Здесь, вместо унылой службы, его ждут два десятилетних «висяка», которые, похоже, уже успели обрасти паутиной и легендами. Максим рассчитывает на новые знакомства, приятные вечера и, возможно, даже на то, чтобы не уснуть от скуки. Но где-то в глубине души он надеется не просто "отбыть номер", а встряхнуть этот тихий городок и доказать всем, что он не просто очередной винтик в системе. Сможет ли его жажда приключений перебороть бумажную волокиту? И какие сюрпризы приготовил Аннамир для своего нового гостя? Остросюжетный детектив с щепоткой юмора и неожиданными поворотами — для тех, кто верит, что даже самая скучная командировка может стать настоящим приключением!

© Волдорф М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Среди будней и мечтаний.	5
Глава 2. Тени прошлого и свет будущего.	10
Глава 3. Один в поле не воин?	13
Глава 4. От Жигулёнка до самолёта.	15
Глава 5. Лёгкая невесомость провинции.	20
Глава 6. Переплетения приказов.	23
Глава 7. В лабиринте прошлого.	27
Глава 8. Операция «Подпись»: битва с бюрократией.	31
Глава 9. «Под мухой я почти пророк»	33
Глава 10. Эхо исчезновения.	38
Глава 11. Как «ОК» привело к танго с кактусами.	43
Глава 12. Загадка перекрёстка.	48
Глава 13. Хорёк, мышка и проверяющий.	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Максимилиан Волдорф

Хроники Вернера. Дедукция уровня "показалось"

Глава 1. Среди будней и мечтаний.

Максим Вернер, двадцатилетний юноша, закованный в парадный мундир лейтенанта, застыл на ступенях Министерства внутренних дел Павлоградской области. Его взгляд, полный тихой, невысказанной грусти, скользил по строгому, монументальному фасаду здания, ставшего за этот год почти вторым домом.

За окнами кипела привычная жизнь министерского улья: сотрудники, словно муравьи с папками, сновали по коридорам, телефоны надрывались в агонии, а из кабинетов доносились обрывки фраз вроде «согласно предписанию» и «где моя печать?!». Но в душе Вернера царила меланхолия высшей пробы. Практика – эта генеральная репетиция взрослой жизни – подошла к концу. Год пролетел, как одна служебная записка.

Он усмехнулся, вспомнив себя – желторотого птенца, робко переступившего этот порог. Тогда всё казалось неприступным, как крепость, а каждый майор – как минимум фельдмаршал. Теперь же Максим чувствовал себя винтиком в этой огромной, хаотичной, но на удивление живой машине. Он научился отличать звук шагов начальника от шагов проверяющего, освоил искусство заваривать растворимый кофе так, чтобы он не напоминал нефть, и понял главный закон системы: инициатива наказуема, но её отсутствие – тем более. Это была не просто практика, а школа выживания, которую он, как ему казалось, окончил с отличием и минимальными потерями для нервной системы.

И вот, эта глава его жизни – непростая, но увлекательная, подошла к концу.

А дальше – распределение, священный акт, где судьба молодого офицера определяется росчерком пера. Он может оказаться как на Луне, так и в сельской глуши, где единственным развлечением станет наблюдение за тем, как соседская кошка ловит солнечные зайчики.

Вернер с сожалением вздохнул. Он всей душой хотел остаться в этом городе, где обрёл настоящих друзей и познал азы реальной полицейской работы — той, о которой не пишут в учебниках, пропитанной запахом пороха, дешёвого кофе и человеческих драм.

Внутри, в гуле голосов и деловой суете, мелькали знакомые лица. Лица тех, кто стал ему ближе, чем иные родственники. Майор Рошин, заместитель начальника отдела, с его вечно нахмуренными бровями, за которыми скрывалось доброе сердце. Зинаида из канцелярии – яркая, энергичная женщина, которая опекала его, как родного сына, подсовывая то пирожок, то дельный совет. Оперативник Сергей, с которым они делили скудные ужины, бесконечные шутки и бессонные ночи на дежурствах. Каждый из них оставил в его душе зарубку, научил чему-то важному, подставил плечо, когда казалось, что силы на исходе.

Перед ним лежала пыльная дорога, уходящая в туман неизвестности. На губах мелькнула кривая усмешка. Судьба, какой бы она ни была, будет принята. Но пока, в эти последние дни перед переменами, он жадно впитывал каждый штрих ускользающей реальности. Чтобы потом, на новом месте, было чем питать воспоминания.

Утренняя рутина поглотила лейтенанта, едва он шагнул за проходную. Короткое приветствие дежурному сержанту, дежурный обмен фразами о смене, которая, как всегда, прошла «без особых происшествий». В гулких коридорах он механически кивал знакомым лицам: хмурым оперативникам, вечно занятым дамам из архива и всезнающим феям из канцелярии.

Его шаг невольно замедлился у приёмной начальника. Там, словно экзотический цветок в казенном горшке, сидела Аня. Высокая брюнетка с ресницами такой длины, что, казалось, они могли бы в одиночку бороться с преступностью. Она с явным удовольствием принимала его ухаживания, и после каждого свидания – будь то кино или театр – у её подъезда разыгрывалась финальная сцена с поцелуями. Аня, конечно, удивлялась, почему этот романтический ритуал никогда не перетекал в приглашение на чай, но, видимо, списывала это на загадочность его натуры.

В любом случае, напряжение ожидания лишь добавляло интриги в их любовный роман.

А причина была до смешного прозаична: Максим стеснялся признаться, что его «холостяцкая берлога» на Тульском проспекте – это съёмная квартира на пару с другом, а главный страж его нравственности – бдительная хозяйка, проживающая аккуратно напротив. Её устав был прост и суров: чистота, никакого курева и, главное, «никаких девиц!». От мысли, что из-за этого драконовского правила он, возможно, больше никогда не обнимет свою Мальвину, на душе стало так тоскливо, будто в городе распродали всё мороженое.

В конце коридора второго этажа отдел по раскрытию особо тяжких дел занимал всего одно помещение, но зато оно было огромным по площади и разделено надвое этажеркой. Всего неделю назад он отмечал здесь свой день рождения за скромным столом, заставленным спиртным и нехитрой закуской. Тогда он чувствовал себя своим, принятым в стаю.

Вернер заглянул в кабинет, обменялся рукопожатиями с коллегами и, словно кот, нашедший солнечное пятно, устроился на старом, продавленном диване.

Майор Роцин рассказывал анекдот. Это был самый старый сотрудник отдела, плотного сложения мужичок, с лицом простодушного вологодского хлебопёка, но с такими хитрыми, колючими глазами, что, казалось, он мог бы продать снег эскимосам.

Громкий хохот прокатился по комнате, стряхивая пыль с архивных папок. Вернер смеялся вместе со всеми, хотя и не уловил сути рассказа – видимо, юмор был слишком местный.

Родион Тёркин, невысокий и худой капитан, недавно переведённый в управление из небольшого городка на краю области, даже театрально вытер слезу из левого глаза.

Внезапно дверь распахнулась, и в проёме показалась голова Роделя, заместителя начальника отдела. Могучий, мастер спорта по рукопашному бою, он крикнул так, что зазвенели стаканы на подоконнике:

– Все на совещание! – пробасил подполковник. – Окурки тщательнее тушите, спалите управу к чёртовой матери! Лейтенант, ты тоже присутствуешь, может, сегодня огласят твоё распределение. И не вздумай притворяться, что у тебя внезапно заболел зуб, фокус старый!

Роцин подождал, пока все, наконец, выдохнут и покинут помещение, а затем присел рядом с Вернером, по-отечески положив руку ему на плечо.

– Вижу, расстроен, понимаю. Мы все хотели бы, чтобы ты остался в нашем отделе. Но руководство ещё ни разу не оставляло молодёжь после практики в управлении. Только прожжённые жизнью люди, с сединой в бороде и цинизмом в глазах.

– Я знаю, но почему-то мысль о том, что произойдёт чудо и меня оставят, не получается выкинуть из головы.

– Это вряд ли, Макс. Эти стены заговорены от чудес. Здесь живёт только суровая проза жизни, приправленная отчётами и дедлайнами. Мы будем по тебе скучать, честное слово. Приятно было видеть рядом человека, в чьей душе ещё горит тот самый юношеский максимализм, который заставляет его верить в справедливость и в то, что он может изменить мир к лучшему. Мы тут уже давно забыли, что это такое.

Удачи тебе, Макс. И помни: если вдруг решишь основать свою корпорацию и захватить мир, мы тебе всегда будем рады.

Майор похлопал лейтенанта по плечу, словно прощаясь с последним единорогом, и вышел из кабинета.

За длинным столом, словно на последнем ужине перед концом света, собралось около двадцати человек, в основном бывалые офицеры с суровыми, повидавшими жизнь лицами. Вернер сидел на стуле у стены, отдельно от всех, и осматривался вокруг, словно впервые попал в кабинет начальника управления. Сегодня всё изменилось: до сегодняшнего дня он был простым стажёром, но своим. К нему относились как к близкому родственнику – даже разрешали доедать печенье. Но сегодня он покидал семью, и его уже вычеркнули из планов на вечер в их любимом пивном пабе.

Во главе стола, в удобном кожаном кресле, сидел полковник Воронов Михаил Григорьевич, худой мужчина сорока пяти лет. Это был умный и проницательный человек. За глаза его звали Вороном не из-за фамилии, а за хищный профиль лица и острый нос.

Над спиной мужчины висели два портрета: президента страны и Дзержинского. Феликс Эдмундович точно был прадедушкой Воронина, их сходство было поразительным – у них даже одинаково хмурились брови по утрам.

Полковник выслушал глав отделов о результатах за неделю и, после раздачи указаний, выгнал сотрудников на улицы, поднимать показатели. В кабинете остался Родель, который всё это время непрерывно подписывал входящие документы. Его лицо выглядело отрешённым, словно он находился в одиночестве где-то на веранде своей дачи.

Воронов дождался, когда кабинет покинет последний человек, и перевёл тяжёлый взгляд на молодого лейтенанта. Вернер встал, на его лице висело выражение безысходности, как у человека, которому зачитывали приговор. Полковник усмехнулся и взял в руки один из трёх мобильных телефонов, лежащих у края стола.

– Дима, – обратился он к невидимому собеседнику, – зайди ко мне.

Уже через пару секунд в помещение ворвался заместитель по кадрам, важного вида мужчина в отлично сшитой парадной форме.

– Дмитрий Дмитриевич, к тебе два вопроса. Ты определился с кандидатурами на командировку в Аннамир?

Вернер вздрогнул при упоминании этого названия. С этим городом его связывали определённые отношения.

– Лемох уже в приказе, напарника ему пока не нашли. Никто не хочет отрываться от себя человека, все жалуются, что и так работают за двоих. Видимо, у нас тут все такие ценные кадры, что их берегут как зеницу ока.

– М-да, проблема. А у нас никто не «отличился» за неделю? Может, кто-то опоздал на спорт, потому что искал потерянный носок? Или, быть может, кто-то попался с запашком... ну, скажем, от слишком бурной ночи с книгами по уставу?

– Нет, к сожалению, за неделю ни одного проступка. Все как на подбор – образцовые солдаты.

– Хорошо, оставим этот вопрос на потом. Я пройду по коридорам, уверен, быстро найду «жертву». Возможно, кто-то случайно «забудет» выключить свет в туалете. А теперь перейдём ко второму вопросу. Распределение нашего бывшего стажёра, Вернера Максима. – Полковник кивнул в сторону молодого офицера, который сидел на стуле с таким видом, будто его сейчас будут распределять не на службу, а на органы.

– Из столичных кадров пришла бумага: проходить службу он должен у нас в управлении. Видимо, кто-то там наверху решил, что нам не хватает свежего мяса... или просто очень скучно.

На этих словах начальник поморщился, а у лейтенанта на мгновение оживилось лицо.

– В управлении всё забито, – полковник развёл руками. – А наш принцип ты знаешь: только с опытом от пяти лет и безупречной репутацией. Родель, ты у нас гуру кадровых перестановок. Есть идеи?

Заместитель, не отрываясь от изучения какого-то особо важного документа (кажется, инструкции к новому кулеру), лишь пожал плечами. Его лицо выражало полное безразличие к судьбе очередного лейтенанта.

– Михаил Григорьевич, – вмешался кадровик, – предлагаю направить лейтенанта в один из районных отделов города.

– Пожалуй, так и сделаем, – полковник одобрительно поднял брови. – Где у нас по городу самая большая дыра в штате?

– Списки при мне, – кадровик с любовью погладил свою пухлую папку и извлёк из неё заветный лист. – Нижнедарский. Через месяц освободится должность оперуполномоченного в отделе по борьбе с автоугонами. Перспективы, карьерный рост...

Вернер почувствовал, как перспективы и карьерный рост придавили его к стулу силой гравитации Юпитера. Нижнедарский район считался самым неблагополучным в городе, где даже голуби выглядели судимыми. А ловить автоугонщиков означало до пенсии гоняться за ржавыми «копейками», которые угоняли, чтобы доехать до пункта приёма металлолома.

– Я хотел бы присоединиться к группе, отправляющейся в Аннамир, – произнёс Вернер, сам не веря своим словам. Он словно слышал себя со стороны, и эта сторона звучала как-то слишком отважно, даже для него.

В наступившей тишине было слышно, как на подоконнике муха пытается покончить с собой, ударяясь о стекло.

Три пары глаз уставились на него с немым изумлением.

– Я буду помогать Константину Вениаминовичу и заодно учиться вести расследование, – неуверенно закончил фразу Вернер, чувствуя себя канатоходцем, балансирующим над пропастью, где внизу уже ждёт голодный крокодил по кличке «Увольнение».

Кадровик глубоко вздохнул. Его грудь, казалось, набрала в себя весь воздух кабинета, готовясь выпустить шквал праведного гнева на этого наглого юнца, посмеявшегося открыть рот без официального разрешения, заверенного тремя подписями и печатью.

Воронин вскинул указательный палец вверх, что служило сигналом для всех – универсальный жест, означавший «всем молчать, сейчас будет думать начальник».

– А ведь это было бы неплохим выходом из ситуации, – медленно произнёс полковник, потирая свой подбородок костяшками ладони. – Господин Лемох, конечно, тот ещё динозавр, но план действий составит, а лейтенант будет выполнять все его указания. Там бумажной работы непечатый край, быстро набьёт руку. Ну, или как минимум, научится её красиво прикладывать к козырьку.

– Так что, я вношу парня в приказ на командировку? – неуверенным голосом задал вопрос кадровик.

Родель медленно покачал головой в разные стороны и округлил глаза. Обычно так делают отцы, когда их пятилетний сын пытается починить розетку с помощью вилки.

Начальник сделал вид, что не заметил этого безмолвного театра. Он утвердительно кивнул, ставя жирную точку в этом неожиданном повороте событий.

– Вноси в приказ, – Воронин уставился на лейтенанта. – А ты, парень, собирайся в дорогу. Дмитрий Дмитриевич тебе позже объяснит, что с собой брать и к чему готовиться.

В груди молодого лейтенанта разгорелось маленькое солнце – такое, что можно было бы греть им руки в холодный зимний вечер. Всё сложилось настолько удачно, что казалось, будто судьба решила подшутить и подарить ему билет в первый ряд к собственному везению. Вместо того чтобы глотать летнюю пыль на окраине города, ему предстояло отправиться в путешествие по кабинетам и отчётам. Старший проверяющий наверняка свалит на него всю самую скучную часть работы, а сам отправится с местными начальниками исследовать ближайшие сауны и рестораны – то есть выполнять важнейшую миссию по укреплению служебных связей.

Максим же, предоставленный самому себе, мог рассчитывать на целый океан свободного времени, который, как он надеялся, удастся потратить на знакомство с местными красавицами.

В последние годы учёба в академии, с её бесконечными строевыми и зачётами, не оставляла ему ни малейшей возможности уделять внимание женщинам. А молодой организм, как известно, требовал своего, и Максим уже чувствовал, как в нём просыпается не только жажда справедливости, но и вполне земные желания.

Покинув кабинет начальника управления, Вернер спустился на первый этаж и направился в самую глубь длинного коридора, туда, где располагалась группа по расследованию убийств. У окна, в клубах сигаретного дыма, тихо беседовали двое мужчин в облегающих чёрных футболках и тёмных джинсах.

Оба не были старше тридцати, и в их облике читалась какая-то особая, хищная грация. Под левой мышкой у каждого висела кобура с табельным оружием – не просто оружие, а продолжение их самих, символ их готовности к действию.

Эхо шагов, раздававшихся по коридору, заставило офицеров прервать свой неспешный разговор. Их взгляды разом устремились к молодому человеку, подошедшему к кабинету.

– Здравия желаю. Лейтенант Вернер, – представился Максим. Его голос звучал ровно, но в глазах читалось нетерпение. – Где я могу найти Константина Вениаминовича?

Один из офицеров, с усмешкой, приподнял бровь:

– Ты к нему на стажировку?

– Нет, я еду с ним в командировку, – ответил Максим, стараясь не выдать лёгкого замешательства. – Мне бы получить инструкции: чем предстоит заниматься и что с собой брать.

– Упаковку презервативов и средство от похмелья, – подмигнул его коллега. – Там особо делать нечего, не переживай. Поселят в гостиницу, пару часов в день будете перебирать бумажки. После обеда уже свободен.

– Местные вам найдут занятие, традиция такая, – добавил первый. – Выпивка и развлечения за их счёт.

Максим слегка нахмурился:

– В смысле развлечения? Нет, мы не в отпуск едем, а проводить дополнительное расследование по каким-то старым делам.

– Что там проводить? Если до сих пор не раскрыли, то за неделю вашего присутствия ничего не изменится. Это формальная процедура, для галочки.

– Понятно, – кивнул Максим, стараясь не показывать, что его слегка смутила эта часть беседы. – Так, где товарищ подполковник? Он на работе?

– Нет его, уехал в больницу. У него что-то сердце опять шалит. Завтра зайти, может, застанешь.

Вернер вернулся на третий этаж и прошёл к заму начальника по кадрам. Тот был занят важным разговором с двумя офицерами из службы внутренней безопасности. Махнув рукой, словно отмахиваясь от назойливой мухи, он велел лейтенанту зайти позже, а ещё лучше – на следующий день.

Глава 2. Тени прошлого и свет будущего.

Эйфория, искрящаяся и легкая, словно пузырьки игристого вина, забурлила в крови Вернера, когда он выпорхнул из здания управления. Ноги сами несли его в сторону съемной квартиры, которую он делил с Романом, своим товарищем еще со времен академии — этого царства муштры и весьма спорных кулинарных изысков в столовой.

Максима распирало от необъяснимого счастья, и ему отчаянно хотелось разделить это чувство с близкими. На первый взгляд, повод пустяковый: в руках диплом о высшем образовании и обычная служебная поездка. Шансы, что предстоящая проверка двух старых дел принесёт неожиданный для всех результат, стремились к нулю. Но сегодня на душе было легко и светло.

В этот момент он ощущал себя на вершине невидимой горы, откуда открывался прекрасный вид. А что будет дальше — это уже другая история.

Вот только звонить было некому. Роман, так звали друга, несколько дней назад уехал домой на юг, в город Сочи. Его телефон был недоступен. Вероятно, тот сейчас вовсю наслаждался свободой после студенческих лет, полных ограничений.

Матери Максим обязательно позвонит, но позже. Вообще-то, он рассчитывал на небольшой отпуск после изматывающей практики, чтобы навестить мать и насладиться покоем. Но теперь он своими руками лишил себя этой передышки.

Отцу с братом Вернер не позвонит, так как уже долгий период времени они практически не общались. Трещина в их отношениях прошла с момента развода родителей.

Мать после развода словно выцвела. Шесть лет назад она просто собрала вещи и уехала в город своего детства, оставив позади прежнюю жизнь и, кажется, всякий интерес к новой. Она почти не интересовалась его успехами, а каждое её слово отдавалось в душе Максима глухой болью и разочарованием.

Его решение остаться с ней стало для отца и младшего брата настоящим ударом. Они этого не поняли и не простили. С тех пор общение сошло на нет. Редкие звонки на праздники превращались в формальность: сухие, холодные ответы, ни единого вопроса о его жизни. Отец всегда видел в нём наследника, будущего главу семейного бизнеса, выпускника престижного финансового вуза. А Вернер выбрал другой путь — службу в полиции.

Максим мечтал не о прибыли, а о справедливости. Хотел стать тем, о ком снимают кино — настоящим защитником, который помогает людям не за деньги, а по призванию. Бывшие одноклассники посмеивались, называли его наивным идеалистом, насмотревшимся сериалов. Он верил в свою мечту. Вернер не был слепцом и понимал, что реальность далека от киношных сценариев, но был уверен: даже один человек может что-то изменить к лучшему.

Мысли о семье тяжелым грузом легли на плечи, отравляя предвкушение службы. Чтобы стряхнуть с себя оцепенение, Максим заставил себя думать о будущем: о запутанных делах, о бессонных ночах в поисках улик, о том моменте, когда он, молодой и полный решимости, докажет всем, что государство не зря вложило в него силы и средства.

Максим глубоко вздохнул, пытаясь выдохнуть вместе с воздухом застарелую, вьевшуюся в легкие обиду. Он понимал отца. Тот жил по законам бизнеса, где все измеряется выгодой и успехом. Как ему было принять выбор сына, который шел против всех его правил? Но это осознание не ослабляло, а, наоборот, укрепляло решимость Максима. Он докажет, что его путь, путь служения, не менее важен и имеет такое же право на существование, как и путь его отца.

По пути Вернер заглянул в небольшую лавку, где, отстояв очередь, приобрел два литра разливного темного пива и упаковку малосольных палочек из семги. Солнце уже ощутимо припекало, и пересохшее горло отчаянно требовало холодного, горьковатого напитка.

Путешествие в Аннамир вызывало в душе Максима бурю противоречивых эмоций: сладкое предвкушение встречи смешивалось с леденящим душу беспокойством. Аннамир был не просто точкой на карте, а родным городом Виктории, девушки, что занимала все его мысли.

При мысли о ней Максима охватывала грусть. Их знакомство было случайным, будто подстроенным судьбой. В парке, в очереди за кофе, его взгляд зацепился за лицо девушки, и он не мог отвести глаз.

Непринуждённый разговор, а затем, спустя месяц, их случайная встреча – все это казалось предначертанным. Максиму сразу стало ясно: в Вике он нашёл родственную душу, и его сердце забилося быстрее, когда она согласилась на встречу в тот же вечер.

Их встречи превратились в череду счастливых моментов, но всё изменилось, когда лейтенантская практика потребовала от Максима полной самоотдачи. Измотанный службой, он едва находил в себе силы на короткий звонок, и их общение постепенно сошло на нет. Прошла неделя в оглушительной тишине, и за это время чувство вины выросло в непреодолимую стену. Он не представлял, как нарушить молчание, и от этого замыкался еще сильнее, попав в классический порочный круг.

Как только выдались свободные выходные, Максим сорвался с места. Он мчался к дому, где жила Виктория, готовый на всё, лишь бы вымолить прощение. Но опоздал. Вика уехала домой, в Аннамир – тот самый город, куда судьба вела теперь и его. Возможно, именно отчаянная надежда снова увидеть её и толкнула его на недавнюю дерзость в кабинете начальника.

Её образ жил в его сердце – светлое, но пронзительно-болезненное воспоминание. Мысль о том, что их чувства были настоящими, взрослыми и взаимными, не приносила облегчения, а лишь глубже погружала в тихую печаль.

Добравшись до своей одинокой берлоги, Вернер первым делом отправился в душ. Горячая вода смывала усталость, но не могла смыть напряжение, вьевшееся, казалось, в кожу намертво. В зеркале над раковиной Максим усмехнулся своему отражению. "Ну что, старина, давно мы с тобой не разговаривали по душам," – подумал он.

На него смотрел молодой парень двадцати лет. Его густые, цвета воронова крыла волосы влажно поблёскивали после душа, открывая высокий, чистый лоб мыслителя и подбородок, кричащий: «Я всегда прав!». На скуле едва заметный шрам – напоминание о какой-то старой истории.

Природа, создавая его, явно была в ударе: безупречные черты, пронзительные серые глаза, в глубине которых когда-то можно было утонуть. Теперь в них можно было только замёрзнуть.

Его фирменная улыбка, от которой раньше таяли сердца, теперь отдавала дешёвым цинизмом. Этот привкус стал его новым парфюмом – стойким, навязчивым и, похоже, надолго.

Перекусив, Максим уселся на диван и включил сериал по каналу «Дискавери», где показывали реальные расследования дел про серийных убийц, которыми просто кишела Америка, словно дворовая собака блохами.

Несмотря на продвинутые методы сбора улик и очень развитый институт судмедэкспертизы, поиск маньяков занимал долгие годы и далеко не всегда приводил к поимке преступника.

Вернер поражался упорству американских полицейских, которые спустя несколько десятков лет не теряли надежды найти и покарать убийцу.

И в ряде случаев у них получалось надеть наручники на монстров, живущих среди обычных людей, и поместить их туда, где они не смогут дотянуться своими руками до незащищенных жертв.

Максим щёлкнул пультом, и экран безразлично осветил его лицо кадрами простенького детектива. Максим наполнил тяжёлый бокал пивом, и янтарная пена осела на стенках. Глоток получился жадным, но горечь хмеля лишь подчеркнула вкус собственной тревоги. Все мысли уже летели впереди него: гул аэропорта, чужой город Аннамир и два дела, от которых пахло

пылью и забвением. Его первое настоящее расследование. Смесь азарта, от которого покалывало пальцы, и тихого страха, охлаждающего затылок.

Это путешествие не сулило лёгкой прогулки. И, если быть честным с самим собой, Максим больше полагался на слепую удачу, чем на собственный опыт.

За окном сгущались сумерки, расписывая небо тревожными фиолетовыми и оранжевыми мазками. Город медленно погружался в сон, но Максим, глядя на угасающий закат, чувствовал, как внутри разгорается пламя. Это был азарт охотника, идущего по невидимому следу, и отчаянная надежда на ту самую искру, что осветит ему путь в лабиринтах чужих тайн.

Глава 3. Один в поле не воин?

На следующий день Максим первым делом предстал перед кадровиком, чьи глаза напоминали два потухших уголька, явно переживших ночь в компании с невидимым врагом – недосыпом.

Артур Петрович пригласил юного офицера в кабинет, жестом указал на свободный стул, а сам тяжело, как старый дуб, опустился в кожаное кресло.

– Вот что я тебе скажу, Вернер, – Подполковник был мрачен, словно только что посетил уролога, который диагностировал у него застарелый простатит. – Завтра полетишь один, а Валентин Петрович прибудет через день-два. Ему сегодня стало плохо и сейчас он помещен в больницу.

Лейтенант, вытянутый по струнке, замер в ожидании.

Новость ударила под дых. Мысли в голове Вернера зашевелились, как испуганные птицы. Отменят? Перенесут? Или, хуже того, приставят к нему какого-нибудь другого «старшего товарища», ещё более невыносимого, чем Лемох.

Артур Петрович замолчал, и продолжая хмуриться, стал изучать лежащий перед ним документ.

Лейтенант задумчиво погладил подбородок и осмотрел кабинет по кругу.

Кабинет был отражением своего хозяина: основательный, немного старомодный и полный трофеев. Слева, на полках шкафа из тёмного дерева, тускло поблёскивали кубки и медали – призраки спортивной молодости Артура Петровича. В углу – сейф с личными делами. Вернер с тоской подумал, что его собственная папка скоро покинет эту уютную полку и отправится в ссылку в какой-нибудь захолустный городок. Справа со стены на него с хитрым прищуром взирал президент, будто говоря: «Ну что, лейтенант, попался?»

Наконец подполковник, чья лысина блестела под тусклой лампой, словно отполированный доспех, оторвался от изучения какой-то особенно скучной, судя по его выражению, бумаги. Он с криком утопил спину в выдавшем виды кресле и скрепил пальцы рук на животе.

– Значит так, – начал он, и в его голосе прозвучали нотки человека, который вот-вот осчастливит кого-то неожиданным приключением, – командировка, как я уже упоминал, намечается в город Аннамир. Не курорт, конечно, но и не Колыма, уже хорошо.

Проживать ты будешь в гостинице «Заря». Не пугайся названия, это не значит, что там светает в четыре утра от шума трамваев. Просто «Заря». Находится она, к твоему счастью, недалеко от управления. Так что, если вдруг забудешь галстук, сможешь сбежать. Срок командировки – десять дней.

Что для тебя, молодого и энергичного парня, десять дней? Так, разминка.

Вернер внутренне напрягся. Он слишком хорошо знал, что такое «разминка» на языке начальства. Обычно это означало марафон с препятствиями по пересечённой местности.

– Товарищ Лемох, – продолжил подполковник, – как я уже говорил, прибудет чуть позже. А ты пока устраивайся. Отметься у начальства городской управы. Там, кстати, не забудь улыбнуться пошире, они любят, когда к ним с почтением. Затем познакомишься со следователем, у которого в ведении находятся дела. Да, и вот самое интересное: дополнительные оперативные мероприятия проводятся по двум нераскрытым убийствам десятилетней давности.

Лицо у лейтенанта заметно вытянулось, словно он только что проглотил лимон целиком, что, конечно же, не ускользнуло от внимания подполковника. Тот даже слегка прищурился, наслаждаясь эффектом.

– Ещё год или два, – проворчал подполковник, поглаживая свой живот, – и их окончательно спишут в архив. А пока приходится выделять ресурсы и отрывать людей от важных дел.

От тех дел, что можно раскрыть, пока преступник ещё помнит, что он натворил. Но приказ есть приказ. Так что ты там не сиди сложа руки, как будто ждёшь манны небесной или повышения зарплаты. Постарайся выполнить до приезда старшего товарища хоть какой-нибудь объем работы. Ну, хотя бы сделай вид, что работаешь. А лучше – найди что-нибудь, что можно будет красиво доложить Лемоху. Он это оценит. И я тоже.

– Ещё вопросы есть? – поинтересовался Артур Петрович.

Вопросов у Вернера не было – только глухое предчувствие катастрофы.

– Если нет, то жду тебя завтра утром.

Подполковник двинул корпус к столу, опираясь на него локтями.

– Получишь командировочные и билет на самолёт. С тобой полетит ещё один сотрудник управления, наш кадровик – Михаил Кац. Он тоже летит в Аннамир, но по другой части. Сопроводительные бумаги на тебя с Лемохом он возьмёт с собой.

Глава 4. От Жигулёнка до самолёта.

На следующее утро кадровик вручил Вернеру заветный авиабилет. Инструкции он выдавал с такой дотошностью, будто объяснял правила настольной игры дикарю. Максим слушал вполуха, мыслями уже паря над облаками.

– А паспорт и удостоверение при тебе? – уточнил подполковник, видимо подозревая, что юный гений может отправиться в полёт, полагаясь исключительно на силу мысли и обаяние.

– Всё необходимое при мне, – ответил лейтенант, похлопывая ладонью по карману своего выдавшего виды рюкзака.

– Тогда успехов, лейтенант. – Кадровик выдавил из себя подобие ободряющей улыбки.

Внутри у Максима всё ликовало, но снаружи он оставался воплощением профессионализма. Лишь лёгкий блеск в глазах выдавал мальчишеский восторг.

– Благодарю. Один вопрос: как добраться до аэропорта?

– Телепортируйся, – буркнул подполковник, давая понять, что логистика – не его забота.

– Ясно. Разрешите идти?

– Валяй. И не забудь помахать мне рукой, когда будешь пролетать над городом! – подмигнул кадровик.

Выйдя из кабинета, он облегчённо вздохнул. Наконец-то! Билет в кармане, и он летит в другой город в качестве важной персоны.

Нужный Вернеру рейс отправлялся в 14:24. До вылета оставалось шесть часов.

Чтобы избежать возможных проблем, связанных с опозданием на посадку, лейтенант решил немедленно отправиться в аэропорт. Он предпочёл не рисковать и выехал сразу, несмотря на то что до вылета было достаточно времени.

Самый простой и быстрый способ попасть в воздушную гавань, расположенную в сорока трёх километрах от города, было такси. В квартале от управления на пяточке у магазина, постоянно паслись несколько перевозчиков, поэтому Вернер решительно отправился туда. На пяточке у магазина, где обычно кучковались частники, было пустынно. Лишь один индивид, собранный, казалось, из запчастей от разных людей, нарезал круги возле ржавого «жигулёнка» цвета «предсмертный закат».

Зрелище было то ещё: короткие кривые ноги, непропорционально длинные волосатые руки и хитрое, обветренное лицо. В глазах – вековая мудрость базарного торговца.

Заметив Максима, тип щелчком отправил окурочок в стратосферу и зычно крикнул в пустоту:

– Свободная машина!

Вернер подошёл, и его тут же окутал удушливый шлейф из пота, дешёвых сигарет и машинного масла.

– До аэропорта подбросите?

– Как птичка, домчу! Как ракета! – ухмыльнулся водила, обнажив золотую фикса, сверкнувшую, как надежда на светлое будущее.

– Цена вопроса?

Мужик на секунду прищурился, производя в уме сложные расчёты. Взгляд таксиста обшарил его с ног до головы, оценивая стоимость куртки, ботинок и, кажется, даже внутренних органов. Озвученная им сумма могла бы покрыть стоимость небольшого подержанного авиалайнера или годовой бюджет маленькой африканской страны. Максим мысленно не просто присвиснул, а исполнил арию.

– Спасибо, я лучше пешком, – сухо бросил он и, не оборачиваясь, зашагал к автобусной остановке, чувствуя себя человеком, сбежавшим с собственной финансовой казни.

В спину ему донеслось невнятное бормотание, но Вернеру было всё равно. Он уже считывал новый маршрут. Двадцать минут ожидания, и вот он сидит в старом троллейбусе, который, натужно гудя, везёт его навстречу будущему. Медленно, зато честно. А главное – по разумной цене, не требующей немедленной продажи почки.

После сорока минут блаженного томления в обществе потных тел, благоухающих самым изысканным мускусом, лейтенант, о счастье, достиг нужной остановки. Там его ждал антикварный "Икарус", совершающий паломничество до воздушной гавани.

Почти час старый, дребезжащий автобус вёз лейтенанта сквозь пыльные пригороды. От непрерывного скрежета металла заложило уши, а в горле стоял ком, будто от выпитого натошак кефира. Но вот вдаль показались очертания аэропорта — гигантский корабль из стекла и бетона, готовый вот-вот оторваться от земли. Сердце Максима пропустило удар.

Автобус замер. Лейтенант прыгнул на асфальт, жадно вдыхая относительно свежий воздух. Он никогда прежде не летал. Сама мысль о высоте вызвала в нём пьянящую смесь восторга и тревоги.

В справочной ему растолковали, что сначала нужно дождаться, когда на электронном табло, похожем на светящийся ребус, появится его рейс. Только после этого начнётся священный ритуал регистрации.

Времени до посадки было ещё предостаточно. Можно было прогуляться по залам, изучая ассортимент беспощинных соблазнов, но сперва требовалось подкрепиться. Желудок уже начинал подавать сигналы бедствия.

Отыскав в конце зала ожидания свободный столик, Максим, словно опытный путешественник, водрузил на него свою выдавшую виды кепку – негласный знак "занято". Пыльный рюкзак отправился на стул, где выглядел как уставший, но довольный жизнью ёжик.

Пришлось влиться в длинный хвост очереди к местному оазису пропитания. Ожидание, впрочем, не тяготило. Вернер с интересом наблюдал за публикой. Большинство летело в райские кущи южных стран — загорелые девушки в коротких шортах светились накопленной солнечной энергией. На фоне этих бронзовых, довольных жизнью людей он, выжатый бесконечной стажировкой, чувствовал себя бледной поганкой среди экзотических цветов.

— Эй, парень, будешь что-то брать или медитировать на меню собрался? — проскрипел голос, напоминающий визг несмазанной тележки. Внезапный, резкий окрик сзади вырвал его из размышлений.

Максим вздрогнул. Он и не заметил, как подошёл к прилавку. Очередь за ним, казалось, растянулась до размеров Великой Китайской стены.

Он заказал двойной эспresso с каплей сливок и ледяную бутылку минералки. Пока кофейный аппарат шипел, извергая ароматный напиток, Вернер почти до дна осушил бутылку.

Сжимая в руке горячий стаканчик и горсть сдачи, Вернер вернулся к своему столу и уставился в огромное окно, словно в экран телевизора.

За огромными окнами аэропорта, словно ленивые барашки, медленно плыли по голубому небу белые облака. Напротив ангаров застыли ряды самолётов, похожие на гигантских птиц, ожидающих своего часа. Между ними неспешно двигались команды техников, похожие на муравьёв, и автобусы с пассажирами, спешащими навстречу новым приключениям. Из динамиков почти без умолку лился женский голос, объявляя о начале регистрации и зазывая в местные кафе, обещая райские наслаждения.

Внезапно в проёме, словно чёрт из табакерки, возникло знакомое лицо. Это был Михаил Кац из отдела кадров, который, как оказалось, тоже летел сегодня в Аннамир.

Михаил, мужчина средних лет с приятной полнотой, выглядел с иголки: цветастая гавайская рубашка и рваные джинсы не оставляли сомнений в его безупречном вкусе. Даже громоздкий чемодан на колёсиках, который мог бы вместить небольшой холодильник, не портил общего впечатления, а лишь добавлял Кацу некой эксцентричной солидности.

Лицо кадровика, круглое и румяное, сияло свежестью и безмятежностью, будто он не трясся час в переполненном автобусе, а только что вышел из спа-салона, где ему делали массаж с ароматом лотоса.

Заметив лейтенанта, Кац расплылся в широкой улыбке.

– Здорова, летёха! – радушно воскликнул он, протягивая руку.

Вернер, не упуская случая проявить уважение к человеку, от которого зависела его командировка, крепко пожал её.

– Привет, Михаил!

– А я тебя в управлении искал, – соврал Михаил с такой невозмутимостью, что Вернер ему даже почти поверил. Он достал из барсетки пачку влажных салфеток и тщательно протёр свои ладони с двух сторон, словно только что пожимал руку кому-то очень заразному. – Думал, вместе на служебной машине в аэропорт махнём.

– Меня никто о служебной машине не предупредил, так что я своим ходом.

– Ну и ладно. – Михаил глянул на часы на правой руке, которые, кажется, стоили как сто курсантских стипендий, и вероятно, предсказывали погоду. – Времени ещё до посадки навалом, давай перекусим. Я угощаю!

– Можно, – согласился лейтенант, уже предвкушая, как будет выбирать самое дорогое блюдо.

– А пьёшь ты что, кофе? Правильно, я всегда говорю, спиртного ни капли. – Михаил устроил свой чемодан у стены, положил пухлую барсетку рядом с собой и тяжело плюхнулся на стул.

– Хотя, подожди. – Кац хлопнул ладонью по столу. – Официально у нас начинается командировка с момента приезда в Аннамир. Так что пока мы не на службе. Предлагаю смочить горло бокалом пива, а затем, по старой традиции, по пятьдесят. Идёт?

Они оставили вещи на местах, чтобы желающие занять столик видели, что он занят, и встали в очередь. Минут через десять Вернер с Михаилом вернулись с трофеями. На столе появились два бокала пива, две стопки водки, пакет чипсов и орешки. Еду должны были принести в течение пятнадцати минут.

– Давай сперва водочки, для дезинфекции, – предложил Кац. – А то в этом воздухе летает такое количество бацилл со всех уголков земного шара.

Принесли поднос с заказанными блюдами. На вид всё выглядело аппетитно, но мясо оказалось недопечённым, а овощи и картошка – пережаренными. Говорил почти всё время Михаил, Вернер же делал вид, что ему невероятно интересно.

Капитан, жестикулируя не хуже коренного жителя южной Италии, делился забавными историями из своих путешествий. Оказалось, что капитан должен был лететь в Аннамир спустя четыре дня, но так как освободился один билет, то управление решило отправить его с проверкой пораньше.

– А ты чего налегке? – Михаил кивнул на свой чемодан. – У меня один китель полцарства занимает.

– Форму ещё не выдали, – пожал плечами Вернер, – только академическая осталась. Артур Петрович велел ходить по гражданке. Но строго: «Вернер, чтоб я не видел на вас этих ваших кедров!». Так что пришлось изображать приличного человека: брюки, рубашка, туфли, которые жмут. – Он с тоской посмотрел на свои ноги, а потом выразительно – на модные прорехи на джинсах Михаила. – Моя задача скромна: пару дней покопаться в бумагах, а в конце – состряпать отчёт о проделанной работе.

– А, бумажная душа... – понимающе кивнул Михаил. – Тут я тебе помогу. У меня с собой целый офис. – Он любовно похлопал по боковому карману чемодана, где угадывался ноутбук. – Шаблоны на любой вкус и цвет: бланки поручений, рапорты, объяснительные. Полный комплект для юного бюрократа.

– Отлично! – искренне обрадовался Вернер. – А ты случайно не в курсе, что за дела нам предстоит расследовать?

– Понятия не имею, – беззаботно ответил Михаил, доставая из чемодана пакет с сэндвичем. – Да и какая разница? Поднимешь материалы последней проверки, скопируешь все запросы, поменяешь даты и фамилию на свою. Делов-то на полчаса, с перерывом на кофе.

– И всё? А раскрывать их не нужно? – осторожно спросил Вернер.

– Раскрывать? – Михаил замер с сэндвичем на полпути ко рту. – Милый мой Вернер, их надо было раскрывать, когда они ещё были, так сказать, тёпленькими. А сейчас их нужно... консервировать. Писать красивые отчёты о том, почему раскрыть их было объективно невозможно из-за неблагоприятной фазы луны и магнитных бурь. Но все причастные проявили чудеса героизма и достойны как минимум медали. Уловил?

– Понимаю, – тихо кивнул Вернер, хотя на самом деле не понимал и, что хуже, категорически не хотел понимать.

Наконец объявили посадку на их рейс. Регистрация прошла быстро и без сучка и задоринки: багаж сдан, посадочные талоны на руках, и они двинулись к зоне досмотра. Вот только очередь там двигалась с поразительной медлительностью – казалось, что время замерло, а люди перед ними превращались в живые статуи.

Досмотр прошёл гладко. Вернер собрал свои вещи, надел ремень и обувь и, наконец, оказался в зоне ожидания. До вылета оставался ещё целый час – время, которое можно было провести с пользой или, как решил Михаил, с пенным удовольствием.

«Ещё по одной, Вернер?» – предложил Михаил, уже предвкушая прохладный напиток. Вернер, хоть и с лёгкой неохотой, согласился. В голове уже рисовалась картина: весь полёт придётся совершать паломничество к туалету.

Пока они ждали, Вернер с интересом слушал рассказы словоохотливого капитана о городе Аннамире. Тот, казалось, мог бы рассказывать бесконечно – от местных легенд до лучших забегаловок, где подают «лучшую еду в мире».

Наконец подъехал автобус, который должен был отвезти их к самолёту. Михаил, не скрывая разочарования, ткнул пальцем в окно:

– Я специально искал рейс с нормальным самолётом, знаешь ли. Через четыре дня летел бы на «Боинге», а тут... придётся на этом кукурузнике». – Он ткнул пальцем в сторону Ту-134 авиакомпании «Бризавиа», который действительно выглядел так, будто пережил не одну войну.

Вернер заметил, как некоторые пассажиры, увидев «птичку», начали креститься и что-то шептать себе под нос. Похоже, они тоже не были в восторге от такого «комфорта».

– А кто покупал билеты нам с господином Лемохом? – поинтересовался Максим.

– Я брал, – ответил Михаил, несколько не смущаясь. – Мне сказали, подешевле, я исполнил. Как говорится, не рой яму другому...

Вскоре объявили посадку. Собрав вещи, они направились к выходу. В рукаве их ждал самолёт – огромная металлическая птица, готовая, несмотря на свой вид, взмыть в небо.

Вернер занял своё место у окна, пристегнул ремень и взглянул на иллюминатор. За стеклом сустились техники, словно муравьи, готовя машину к полёту. Михаил, деловито устраиваясь на соседнем кресле, уже осыпал проклятиями авиакомпанию за «неудобное» кресло, которое, судя по всему, было ему не по размеру.

Самолёт начал разгоняться по взлётной полосе. Скорость нарастала, вдавливая Вернера в кресло. И вот, наконец, долгожданное ощущение отрыва от земли.

Он смотрел в окно, как под ним уменьшается город, превращаясь в игрушечный макет. Дома стали крошечными коробочками, а машины – едва заметными точками. Солнце отражалось в извилистой реке, а облака плыли по небу, словно ватные хлопья. В этот момент Вернер почувствовал себя по-настоящему свободным, словно птица, парящая в бескрайних небесах.

Путешествие началось. Впереди его ждал Аннамир, новые возможности и, несомненно, новые впечатления. Он был готов ко всему. Энергия и энтузиазм переполняли его. Он знал, что эта командировка станет важным этапом в его карьере, и сделает всё возможное, чтобы оправдать возложенные на него надежды. А пока... пока можно было насладиться этим моментом полёта, даже на «кукурузнике».

Глава 5. Лёгкая невесомость провинции.

Спустя полтора часа после взлёта, когда уши ещё слегка закладывало, а в желудке царила лёгкая невесомость, они уже ступили на землю в аэропорту Аннамира. Вернер, стоя в очереди за багажом, с любопытством осматривал небольшой, но на удивление чистый терминал провинциального аэропорта.

Кадровик героически боролся со сном, явившимся к нему после изнурительного перелёта. Его глаза, словно два уставших светофора, то и дело переключались с красного на жёлтый.

Когда их чемоданы наконец выплыли на ленту, Михаил огорошил Максима новостью, достойной государственной измены: в гостиницу он не едет. У него, видите ли, неотложное рандеву со старым другом – свидание, которое нельзя отменить, даже если на город нападёт Годзилла. В качестве компенсации за моральный ущерб он великодушно вручил Максиму бутылку первоклассного виски и адрес «приюта для усталых путников».

– Даже не знаю, как выразить свою благодарность за такое проявление заботы, – с сарказмом промолвил Вернер. – Ладно, как-нибудь переживу это горе. Хорошего вечера!

– И тебе! Такси налево от выхода, а я на второй этаж, в магазин, – Михаил театрально вздохнул и растворился в толпе, оставив лейтенанта с бутылкой виски и чувством неожиданной свободы.

Эта самая свобода привела Вернера к стоянке такси, где его немедленно взяла в кольцо стоя водители. Одетые в спортивные костюмы, они напоминали скорее делегацию из лихих девяностых, прибывшую для решения вопросов, чем официальных перевозчиков.

Он выбрал самое просторное такси, плюхнулся на заднее сиденье, вытянул ноги и стал наблюдать за улицами, мелькавшими за окном, словно кадры из старого фильма.

Таксист, подмигнув в зеркало заднего вида, словно старый приятель, заметил, что город, конечно, не Париж, но всё же есть что посмотреть. «У нас тут своя атмосфера, понимаешь? Не Эйфелева башня, конечно, но зато есть самая большая в мире коллекция магнитов на холодильник в сувенирной лавке у вокзала!»

Погода в Аннамире стояла поистине «райская»: город утопал в потоках ледяного дождя, а резкие порывы ветра норовили сорвать крыши с домов.

Всю дорогу из аэропорта он смотрел в окно «Рено Сценик», но, увы, видел только хлещущие по широким бульварам струи воды, сквозь которые бежали люди, словно участники марафона, и мчались автомобили, оставляя за собой шлейфы брызг. В салоне царил полумрак, разбавленный лишь тусклым светом фар проезжающих машин, которые казались призраками в этом водном царстве. Город в дожде казался чужим и отстранённым, словно декорация к грустному фильму. Вернер подумал, что, возможно, бутылка виски была не таким уж и плохим подарком.

Такси причалило к обочине напротив отеля с такой мягкостью, что Максим, погружённый в свои мысли, даже не сразу это понял.

– Приехали! – бодро объявил водитель.

Вернер вздрогнул, огляделся и, расплатившись с щедростью разорившегося аристократа, вылетел из машины. Он пронёсся через завесу дождя с такой скоростью, что, казалось, сами капли уступали ему дорогу. Ворвавшись в холл, он оказался перед стойкой регистрации, за которой восседала дама лет сорока с бейджиком «Ольга».

– Приветствую вас, молодой человек, – произнесла она тоном, каким обычно посвящают в рыцари. – Желаете приобщиться к нашему гостеприимству?

– Желаю, – с подозрением ответил Вернер, оглядывая интерьер, застывший где-то в эпохе позднего социализма.

Женщина одним движением руки, достойным фокусника, извлекла из-под стола регистрационный журнал и указала пальцем на место, где следовало оставить свой автограф.

Затем Ольга, с грацией балерины, которая прошла курс самообороны, обошла стойку и жестом пригласила Вернера следовать за ней:

– Позвольте мне лично проводить вас в ваши апартаменты.

После чего они, словно члены королевской семьи, направились к лестнице, ведущей на второй этаж.

Щёлкнув ключом в замке, она распахнула дверь и с гордостью продемонстрировала ему номер, словно показывала не просто комнату, а вход в параллельную реальность.

– Великолепно, – пошутил Вернер, опуская на стул рюкзак.

Пожелав хорошего вечера и напомнив о телефоне для связи с цивилизацией, Ольга удалилась.

Оказавшись в номере один, Вернер почувствовал лёгкую растерянность. Не зная, чем себя занять, он принялся осматривать скромное жилище, которое, судя по всему, было рассчитано на непритязательного аскета или очень экономного командировочного.

Все «удобства» состояли из ванной комнаты, совмещённой с туалетом, незастеклённого балкона, электрочайника и небольшого набора посуды, явно рассчитанного на чаепитие в гордом одиночестве. Или, возможно, на очень скромный пикник с воображаемым другом.

Взгляд Максима скользнул по стандартному гостиничному интерьеру: кровать, тумбочка, телевизор, небольшой стол. Ничего, что могло бы вызвать приступ дизайнерского восторга. Слева от входной двери обнаружилась вторая комната – абсолютный близнец первой, лишённый каких-либо отличительных черт. Видно, владелец отеля решил, что одна комната – это хорошо, а две одинаковые – это уже почти роскошь. Или, возможно, он просто купил две одинаковые партии мебели по акции.

Единственное, что нарушало эту стерильную гармонию, – едва уловимый, но настойчивый запах хлорки, намекавший на недавнюю битву с микробами.

Вернер подошёл к окну и отодвинул штору. Дождь прекратился так же внезапно, как и начался, словно кто-то наверху просто выключил кран. Влажный асфальт отражал огни города – далёкие, холодные и безразличные, как звёзды в космосе.

Вернувшись в комнату, Вернер первым делом оживил древний телевизор.

Бесцельно пощёлкав каналами, наткнулся на старый фильм. Знакомый сюжет, знакомые лица – идеальный фон для размышлений о бренности бытия и о том, какого чёрта его сюда занесло.

Завтрашний день обещал быть напряжённым. Вернер не питал иллюзий относительно гладкости этой командировки. Он предвкушал долгие часы, проведённые за изучением пыльных папок, за поиском улик, которые могли быть упущены, и за, возможно, не самыми приятными беседами с местными следователями, которые, скорее всего, уже успели забыть, о чём вообще это дело.

Несмотря на напутствия кадровика, Вернер упрямо цеплялся за мысль, что где-то в этих бумажных завалах прячется та самая ниточка.

Тоненькая, почти невидимая нить, но если за неё потянуть, можно распутать весь клубок и вытащить на свет божий парочку негодяев.

К тому времени, как Максим умылся и распаковал вещи, его желудок начал издавать звуки, напоминающие тихие хрипы голодного льва. Пришлось прибегнуть к стратегическому запасу – пирожку с мясом из аэропорта. Этот пирожок, казалось, был создан не для утоления голода, а для проверки крепости зубов.

В конце концов, он выключил телевизор, разделся и лёг в постель. Мягкий матрас и прохладное бельё приятно расслабляли тело. Он закрыл глаза, пытаясь выбросить из головы

мысли о завтрашнем дне. Но они, как назойливые мухи, настойчиво возвращались, кружились, не давая уснуть.

Он ворочался, считал овец, потом слонов, потом папки с делами... Наконец, на сто двадцать третьей папке сознание начало сдаваться, уступая место вязкой дремоте.

Около полуночи его вырвал из сна скрежет ключа в замке, звучавший так, будто кто-то пытался вскрыть сейф консервным ножом. На пороге, словно феникс, восставший из пепла ночного кутежа, материализовался его напарник Михаил. Видок у него был, прямо скажем, не для слабонервных: мятый, как прочитанная газета, с глазами, красными, как запрещающий сигнал светофора. Стало ясно – Миша принял на грудь не только штрафную, но и весь бар вместе с барменом. Язык его заплетался в такие сложные узлы, что для расшифровки требовался бы лингвист-дешифровщик.

Но сквозь этот алкогольный туман Вернер всё же уловил суть трагедии. Оказывается, его напарник, словно благородный рыцарь, оказывал знаки внимания некой прекрасной даме.

В самый разгар романтического вечера, когда до победы оставалось полшага, на сцену ворвался разгневанный супруг дамы – по описанию Миши, «шкаф с антресолью». Идиллия мгновенно превратилась в хаос, а вечер томных вздохов – в сцену из низкобюджетного боевика.

Миша что-то невнятно бормотал про неравный бой, стратегическое отступление через окно и потерю важной части амуниции – одного ботинка. Вернер, скрепя сердце и зажав нос (амбре от героя стояло знатное), помог ему доковылять до дивана. Уложив напарника и накрыв его пледом, словно заботливая мать своё непутёвое чадо, он понял: допрос сейчас бесполезен – это всё равно что пытаться выудить информацию из рыбы.

Да и, честно говоря, не очень-то и хотелось. Главное, чтобы цел остался.

Вернер принёс ему стакан воды и таблетку аспирина. Миша проглотил их, не открывая глаз, и тут же провалился в глубокий, беспробудный сон, сопровождаемый богатырским храпом.

Вернувшись в свою кровать, Вернер ещё долго не мог уснуть. В голове крутились обрывки его пьяного рассказа, смешиваясь с сонными видениями. Интересно, что за девушка? И какой у неё парень? Наверняка шкаф под два метра ростом, если Мишка так спешно ретировался, словно заяц, удирающий от охотника.

«Ладно, утро вечера мудренее, – думал Максим, засыпая. – Завтра выпится, расскажет всё по порядку. Если, конечно, вспомнит. А пока – спать. Завтра на работу».

Во сне он видел Михаила, скачущего на одной ноге по ночному городу. А за ним гнался огромный шкаф в семейных трусах и тапочках, размахивая кулаками размером с дыню.

Проснулся лейтенант совершенно разбитым, с отчётливым ощущением, будто это он всю ночь бегал марафон в одном ботинке.

Глава 6. Переплетения приказов.

Утром на кухне Вернера поджидал арт- объект. Михаил, словно только что сошедший с обложки журнала «Брутальный мужчина года», восседал за столом и с видом римского патриция цедил пиво. Единственным намёком на ночные приключения была лёгкая, но выразительная припухлость под глазом, придававшая ему вид опытного бойца, только что вышедшего из ринга.

– Доброе, – пробурчал Максим, пытаясь расшифровать вчерашние события по выражению лица друга. – Что там у тебя вчера приключилось? Похоже, не только вино было крепким. Михаил махнул рукой, словно отгоняя назойливую муху.

– Да так, – усмехнулся он. – Обычная история. Посидели, выпили вина, а тут вдруг он... Ну, ты знаешь. Главное, жив остался. А то я уже начал прикидывать, как буду врать маме, что случайно упал с лестницы.

– Ты же вроде к другу собирался? – не унимался Вернер, чувствуя, как в голове складывается пазл из намёков.

– А что, друг не может быть женского пола? – подмигнул Михаил.

– Может, – кивнул Максим.

– Ладно, мне сегодня требуется экстренная регенерация. Позвоню местному кадровику, решу вопрос с больничным. А ты, герр лейтенант, собирайся. Тебя ждут великие дела – перекладывание пыльных бумажек из стопки «входящие» в стопку «подумаю об этом завтра».

Пять минут пути от гостиницы до пункта назначения пролетели незаметно. Вернер использовал это время, чтобы вытряхнуть из головы остатки сна и настроиться на боевой лад. Впереди выросла массивная громада управления – трёхэтажное здание, изящно обнимающее пространство буквой «П». Его крылья, словно стражи из древних легенд, охраняли вековые голубые ели, чьи колючие вершины дерзко царапали окна третьего этажа.

Парковка перед управлением напоминала выставку достижений автомобильной промышленности. Роскошные иномарки теснились бок о бок, ослепляя блеском хрома и лоском полировки. Вернер невольно затормозил, оглядываясь – не ошибся ли адресом?

Некоторые из этих железных коней были щедро украшены элементами броского тюнинга. Но нет, над входом всё так же чётко и недвусмысленно сияла табличка, гласящая: «Городское управление внутренних дел».

Внутри царил организованный хаос. Люди в форме сновали туда-сюда с озабоченными лицами и кипами бумаг, телефоны надрывались, а у кофейного автомата кто-то яростно доказывал, что эспрессо без сахара – признак сильного характера. Вернер, чувствуя себя чужеродным элементом, направился к стойке дежурного.

– Мне к подполковнику Баринову, – произнёс он, стараясь, чтобы голос звучал как у уверенного в себе профессионала, а не как у школьника в кабинете директора.

Дежурный, пожилой сержант с усталым взглядом, окинул его оценивающим взглядом.

– Фамилия?

– Вернер Максим.

Сержант что-то вписал в журнал и буркнул негромко:

– Кабинет 212, второй этаж. Направо по коридору. Только его нет на месте, в мэрии на совещании. Когда вернётся – неизвестно.

Максим кивнул и направился в указанном направлении. Найдя приёмную, он прислонился к стене, приняв позу терпеливого просителя. Прошло двадцать минут, которые тянулись, как резиновый день.

Долгое пребывание в позе "смирно" превратило шею в камень, а ноги – в ватные палки. Подавив желание размять затёкшие суставы, Максим уже в который раз принялся изучать

фотографии на стенде «Отличники службы», пытаюсь угадать, кто из них получил медаль за самое долгое ожидание.

Примерно через час ожидания Вернер заметил изменения в передвижениях сотрудников. Небольшие кучки болтающих на различные темы людей в одно мгновение рассосались по кабинетам, словно испуганные зайцы при появлении охотника. Лица шагающих по делам офицеров приняли выражение, словно они только что увидели призрака или узнали о повышении налогов.

Наконец появилась грузная фигура начальника управления, перед появлением которой, как показалось Максиму, по зданию пронёсся порыв ветра, несущий запах власти и дорогого парфюма. Это был статный мужчина, с тяжёлым взглядом и решительным подбородком, который, казалось, мог пробить бетонную стену.

Подполковник был в парадном мундире. Лицо пунцовое, как у особи с хвостом из фильма «Люди Икс». Значит, только что прибыл «сверху», с очередного вливания. Внешностью полковник напоминал генерала военного времени: парадный китель, увешанный различными значками и орденами, короткая стрижка, грубоватые, крестьянские черты лица.

Баринов прошёл в свой кабинет, игнорируя всех на своём пути. За ним, словно собачонка на короткой привязи, семенил офицер в звании капитана.

В руках у него была пухлая папка с документами. Пара исчезла в приёмной, и почти сразу оттуда послышался разговор на повышенных тонах.

Вопли подполковника, отдаваясь от стен и низкого потолка, разносились по этажам и проникали в каждый кабинет, вызывая у сотрудников стойкое желание покинуть кабинеты и раствориться в каменных джунглях города.

Судя по всему, все шишки сегодня достанутся какому-то Ширяеву. Баринов лично собирался его поймать во всех извращённых позах, после чего лишит премии и даже поменять время ухода в отпуск с августа на февраль.

Вернер стал задумываться, не перенести ли ему посещение начальника управления на следующий день, но не успел принять решение. К кабинету начальника подошёл офицер в погонах майора, в приподнятом настроении. Вероятно, он нёс Баринovu какие-то хорошие новости.

Заметив незнакомое лицо, он остановился и, узнав, что молодой человек с растерянным видом ожидает приёма у начальства, велел лейтенанту идти за ним.

Не обращая внимания на секретаршу, майор прошёл через приёмную и без стука открыл следующую дверь.

Максим, стараясь не отставать, проскользнул в кабинет вслед за офицером.

В воздухе висело напряжение, которое, казалось, можно было потрогать.

– Вот, – подполковник махнул рукой в сторону Максима, словно демонстрируя экзотическое насекомое, пойманное в банку. – Прибыл из младшей златоглавой, на предмет проверки. – Подпиши ему направление, Сергей Васильевич, пока он тут не начал пыль со стен собирать.

Взгляд грозного начальника, словно рентген, пронзил Максима насквозь. В этом взгляде читалось и недовольство, и лёгкое презрение к «столичным штучкам». Максим постарался выпрямиться и выглядеть максимально уверенно, хотя внутри всё сжалось в тугой комок.

– Доложись. – Баринов, не отрывая взгляда от Максима, медленно откинулся в своём огромном кожаном кресле. Кресло скрипнуло, словно вторя напряжению в комнате или просто выражая своё недовольство весом полковника.

– Товарищ подполковник, лейтенант Вернер. «Прибыл согласно приказу начальника УУР по области для проведения плановой проверки», – Максим произнёс это так, будто от его слов зависел курс мирового рубля.

Начальник оторвал взгляд от Максима и перевёл его на капитана, стоявшего в метре от него, прижимая, словно родную, папку к груди.

В его глазах мелькнула искра раздражения.

– С проверкой, говоришь? – Голос начальника был низким и хриплым, словно его обладатель проглотил наждачную бумагу. – И что проверять собрался, умник? У нас тут не кабинет проктолога.

Лейтенант заметно сглотнул.

– Сергей Васильевич, приказ сверху. Плановая проверка по двум старым убийствам, всё по инструкции, – вмешался капитан.

Баринов фыркнул, как старый бык. – Инструкция... Знаем мы ваши инструкции. Только бумагу переводят. Ладно, – он снова посмотрел на Максима, – направление, говоришь? Подпишу. Но учти, парень, если я хоть одну придирку увижу, хоть одну нестыковку, пеняй на себя. Я тебя в такую командировку отправлю, что ты забудешь, как в столице смузи пить.

Он взял со стола ручку, массивную, как и всё в этом кабинете, и с силой поставил свою подпись на направлении. Звук был похож на удар хлыста или на то, как Баринов расправляется с очередным Ширяевым. Он протянул бумагу капитану, не глядя на Максима.

– Вот, держи. А ты проследи, чтобы он не мешал людям делом заниматься. А то у нас тут и без него хватает «помощников».

Офицер, с облегчением выдохнув, словно вынырнув из глубокой воды, принял направление.

– Так точно, господин подполковник! Прослежу лично. – Он подошёл и быстро сунул бумагу Максиму, стараясь не встречаться взглядом с начальником, словно боялся, что тот превратит его в камень.

Офицер, который завёл лейтенанта в кабинет, уселся на стул у окна и с интересом наблюдал за происходящим.

Максим взял направление, чувствуя, как пальцы слегка дрожат. Бумага пахла табаком и каким-то крепким парфюмом. Он понимал, что это только начало. Подпись начальника – это не пропуск в рай, а скорее вызов на дуэль.

Начальник управления снова откинулся в кресле, его взгляд устремился в потолок, словно там можно было найти ответы на все вопросы.

– Иди, – бросил он, не глядя на Максима. – Нечего тут воздух коптить.

Максим, стараясь не показать своего облегчения, развернулся и быстро вышел из кабинета, стараясь не задеть ни один предмет. Майор Матце, тот самый офицер, что привёл его, последовал за ним, плотно прикрыв за собой дверь. В коридоре сразу стало легче дышать.

– Ну что, – офицер вытер пот со лба, – видел, с кем имеешь дело? Держи ухо остро – начальник управления не любит, когда ему мешают. Работает тихо, без лишнего шума, как мышка в кладовке, и всё будет в шоколаде.

– Куда теперь? – спросил Максим, стараясь придать своему голосу уверенность, хотя внутри у него всё ещё плясали чёртики от недавней встречи.

– В архив. Там у тебя будет почти что свой кабинет, – ответил майор, и в его голосе проскользнула нотка, будто он предлагал Максиму пентхаус с видом на Кремль. – Я Матце Ян Семёнович – глава местного следствия. Мой кабинет на втором этаже, 214.

Будут вопросы, заходи. Я так понял, Константин Вениаминович прилетит через пару дней?

– Да, как только поправится. Скажите, будет ли нашей группе выделен автомобиль?

– Автомобиль? – переспросил майор с таким видом, словно произносил незнакомое ему иностранное слово. – А ты не читал последние директивы о пользе спортивной ходьбы для повышения боевого духа и экономии ресурсов? Так, а что стоим? Идём, я тебя проведу.

Матце повёл Максима по длинному коридору, мимо дверей с табличками, на которых были указаны должности и фамилии. В воздухе витал запах дешёвого кофе и несвежей одежды.

– А вот и твоё временное пристанище, – майор широким жестом указал на дверь, обшитую старым дерматином, с гордой табличкой «Архив». – Тебе сюда. Удачи! – бросил Матце и поспешил прочь, словно боялся, что его тоже запрут среди пыльных папок.

Глава 7. В лабиринте прошлого.

Архив сладко дремал в коконе пыли и забвения – величественный лабиринт древних шкафов, нагруженных потрёпанными воспоминаниями в виде унылых папок. Воздух здесь был густым и пах стариной – не благородной, антикварной, а той, что бывает у забытых на чердаке чемоданов.

В самом сердце этого бумажного бедлама, словно ледяная статуя, восседала женщина в строгом сером костюме, который, несомненно, был последним пискom моды лет этак двадцать назад. Её бледное, испещрённое грациозными морщинами лицо, обрамлённое тугим пучком седых волос, казалось высеченным из белого мрамора – только мрамор обычно выглядит повеселее.

Она подняла на Максима взгляд из-под очков в тонкой оправе – взгляд, лишённый всякого тепла и эмоций, как у механического существа.

Лейтенант представился и коротко изложил суть своего визита. Не забыл упомянуть, что всеми любимый майор Матце лично позаботился о том, чтобы ему было предоставлено рабочее место, несомненно, самое удобное во всём архиве.

Женщина, внимательно изучив официальное направление, подписанное Бариновым, попросила называть её Эльвирой Эдуардовной и жестом пригласила лейтенанта следовать за ней. Пройдя вглубь архива, она остановилась у окна с захватывающим видом на стену соседнего здания и указала на стол, на котором лежало несколько пухлых папок.

– Ваше место, – пропела она с энтузиазмом, который совершенно не вязался с её внешностью. – Меня предупредили. Правда, я ожидала увидеть кого-то... с большим жизненным опытом. – Она окинула Максима взглядом, который недвусмысленно говорил: «Очередной щенок». – Вот первые тома. Когда осилите, я выдам следующие. Если, не дай бог, возникнут вопросы – не стесняйтесь отвлекать меня от важных государственных дел.

Максим пробормотал благодарность и окинул взглядом своё «несомненно, самое удобное» рабочее место». Стол, казалось, помнил ещё самого Дзержинского и был покрыт таким слоем пыли, что на нём можно было бы выращивать картошку.

Папки выглядели не менее древними, их обложки пожелтели и потрескались от времени.

Лейтенант вздохнул, и этот звук потонул в тишине архива, как камень, брошенный в глубокий колодец.

Он придвинул стул, который издал душераздирающий скрип, и осторожно опустился, стараясь не нарушить вековой покой местных пылевых клещей.

Он понимал, что архивариус, скорее всего, видела немало таких, как он, – молодых, полных энтузиазма офицеров, отправленных копаться в старых делах. Большинство из них быстро теряли интерес, утопая в бесконечных протоколах и показаниях.

«Ну что ж, – подумал Максим, открывая первый том и вдыхая аромат тлена, – посмотрим, кто кого».

Папка была тяжёлой, словно содержала в себе не только бумагу, но и годы кропотливой работы, а может, и чьи-то ошибки. Это было дело от 2015 года, возбуждённое по факту исчезновения несовершеннолетней Рудовой Варвары Степановны, 23.07.2006 г.р. Он открыл её и углубился в чтение. Протоколы допросов, планы следственных действий, схемы местности, характеристики и справки – всё это сливалось в один бесконечный поток информации, словно река времени, уносящая в прошлое.

Девятилетняя Варя отпросилась погулять во двор с подружками. Обычный летний вечер, залитый закатным солнцем, крики детей на площадке, гул машин с соседнего проспекта. Когда мать вышла позвать её ужинать, двор был уже почти пуст. Вари не было. Оставшиеся дети, переглядываясь, пожали плечами: «Она домой пошла. Давно уже, час назад».

Сердце Ирины Рудовой пропустило удар. Она почти бегом вернулась в квартиру, цепляясь за надежду, что они просто разминулись на лестнице. Но в квартире царила тишина, нарушаемая лишь бормотанием телевизора. Муж, не отрываясь от экрана, где шло какое-то политическое ток-шоу, на её тревожный вопрос лишь махнул рукой.

Надежда сменилась страхом. Ирина металась по двору, заглядывала за гаражи, вглядывалась в сумерки, срывая голос. Её вопросы к редким прохожим тонули в равнодушном городском шуме. Никто ничего не видел.

Паника накрыла её ледяной волной. Словно загнанный зверь, она носилась по тёмным подъездам, дёргала ручки дверей, ведущих на чердаки и в подвалы, выкрикивая имя дочери, пока хрип не оборвал её голос. Только тогда, обессилив, она набрала 02.

В дежурной части её выслушали с плохо скрываемой скукой. Девять лет – почти подросток. «Нагуляется и вернётся к утру, – устало пообещал ей безликий голос в трубке. – Мамаша, не накручивайте себя».

Заявление у убитых горем родителей приняли только в понедельник. Драгоценные 48 часов были потеряны.

На следующий день к поискам неохотно подключился местный участковый. Соседи, родственники, несколько волонтеров – горстка людей против безмолвия целого района. Они прочёсывали соседние дворы, пустырь за школой, заброшенную стройку на окраине. Тщетно. Словно девочка шагнула с качелей прямо в небытие. Ни единого свидетеля, который видел бы её за пределами их двора.

Вернер сжал кулаки. Он знал цену этой задержке. Сейчас, при пропаже ребёнка, дело об убийстве возбуждают немедленно, развязывая руки следствию: биллинг телефонов, тотальный съём данных с камер, пока их не затёрли новые записи, допросы по горячим следам, пока память свидетелей не подёрнулась дымкой. Тогда же всё было иначе. Бюрократия и человеческое равнодушие съели самые важные часы – время, когда ещё можно было найти улики до первого дождя, опросить случайных прохожих, пока их лица не стёрлись из памяти.

Листая дальше, он видел отчёты о повторных поисках. Оперативная группа, расширив периметр, снова и снова прочёсывала подвалы, чердаки, коллекторы. Опрашивали всех: от дворников до директоров офисов в соседних кварталах. Результат – ноль. Девочка испарилась, как капля воды на раскалённом асфальте.

Вернер вчитывался в каждое слово, пытаясь уловить не то, что было написано, а то, что осталось между строк. Он пытался увидеть тот двор глазами девятилетней девочки, почувствовать липкий страх её матери, услышать равнодушный голос дежурного.

Он откинулся на спинку стула и закрыл папку. Глаза горели от напряжения. В голове, как в калейдоскопе, мелькали обрывки фраз, нечёткие фотороботы, схемы местности – хаос фактов и домыслов. Он потёр виски, пытаясь сложить из этих осколков цельную картину. Где-то здесь, в этих пожелтевших листах, крылся ключ. И он должен был его найти.

Первый час прошёл в тишине, нарушаемой лишь скрипом стула и шелестом страниц. Заведующая архивом заполняла массивный журнал, не обращая на Максима внимания. Периодически он чувствовал её пристальный взгляд, словно она наблюдала за каждым его движением, за каждой прочитанной строчкой.

Лейтенант потянулся за следующей папкой. Она была толще, перевязана более толстой верёвкой, словно содержала в себе более тяжёлую тайну. На обложке, выцветшими буквами, значилось: "Уголовное дело по факту убийства гражданки Пихлак Инги Карловны, 1995 г.р."

Он внимательно изучал фотографию. Девушка смотрела с неё с грустью и тоской в глазах, словно знала свою трагическую судьбу. Красивое, но печальное лицо.

Февраль 2015-го. Этот месяц стал чёрной дырой в жизни близких Инги. Молодая, полная планов девушка возвращалась домой после встречи с одноклассниками. Обычный вечер, который должен был закончиться сном в тёплой постели, оборвался в ледяном мраке подвала.

Утром 5 февраля сантехник местного ЖЭКа, спустившись в подвал девятиэтажки на улице Рериха, чтобы перекрыть очередной прорыв, наткнулся на тело. Его крик, глухо пробившийся через бетонные перекрытия, стал первым аккордом в трагедии, повергшей в шок весь город.

Страшные детали из отчёта эксперта били наотмашь. Изнасилована. Задушена обрывком бельевой верёвки. Причина смерти – множественные удары тупым предметом, как позже выяснилось, обломком бетонной плиты, по голове.

Поначалу казалось, что дело – на пару дней. Преступник был дерзок и небрежен: не позаботился о предохранении, оставив на теле жертвы обильные следы семенной жидкости. Ключевая улика, почти готовое признание. Но была и странность: на руках Инги – ни царапины, ни синяка. Никаких следов борьбы. Словно она и не пыталась защищаться. Зато под ногтями – бетонная пыль и крошка, а подушечки пальцев стёрты в кровь, будто она отчаянно скребла ими по полу, пытаясь отползти или оставить последнее послание.

Надежду подарила запись с камеры видеонаблюдения, установленной на круглосуточном магазине через дорогу. Зернистая, чёрно-белая плёнка зафиксировала последние минуты свободы Инги. 01:23 ночи. Она сворачивает с улицы Королёва на пустынную Рериха. В этот момент из темноты ей навстречу выходит мужская фигура. Он проходит мимо, но через несколько шагов замирает, резко разворачивается и быстрым, хищным шагом начинает её догонять. Оба исчезают из кадра. Версия о том, что незнакомец просто хотел спросить, который час, отпала сама собой.

Но надежда оказалась зыбким миражом. Анализ ДНК не дал совпадений ни с одной из федеральных баз. Лицо на видео – размытое пятно, набор пикселей. Отработали всех ранее судимых за насилие, проверили сотни алиби, опросили всех жителей района – тщетно. Человек с плёнки словно растворился в ночном городе, став призраком.

А дальше система начала пожирать саму себя. Невезучего сантехника, как это часто бывает, для начала закрыли на трое суток. Потом – ещё на три месяца. После каждого разноса от начальства измученный следователь вызывал его из СИЗО. Бесконечные допросы, уговоры, угрозы. «Просто признайся, тебе же легче будет». Сантехник, оказавшийся не в то время и не в том месте, познал такой ужас, что руки у него тряслись до сих пор. К давлению следствия добавился первобытный страх от увиденного: бледное тело в тусклом свете фонарика и огромные крысы, уже начавшие свой пир. Он уволился, в подвалы больше не спускался и нашёл забвение в бутылке.

Максим закрыл папку. Десять лет. Десять лет призрак с улицы Рериха гулял на свободе, а дело покрывалось слоем архивной пыли.

Оперативники плотно взялись за одного из ухажёров Инги – Роберта Певду, сына известного в городе бизнесмена. В тот роковой вечер он настойчиво звонил девушке, требуя встречи в ресторане. Инга отказала ему в резкой форме. Разъярённый Роберт приехал в кафе, где она отдыхала с одноклассниками, и вызвал её на улицу для разговора.

Несколько свидетелей подтвердили, что видели на парковке человека, похожего на Роберта. По их словам, он был пьян, кричал на девушку и силой пытался затащить её в машину.

Когда полиция нагрянула к Певде домой, он признал, что был у кафе, но отрицал какие-либо угрозы. Роберт утверждал, что после короткого разговора с Ингой уехал к друзьям, которые позже подтвердили его алиби.

Однако следователи, занимавшиеся делом десять лет назад, выяснили, что Певда – патологический лжец. Он постоянно путался в показаниях и изворачивался, но, в отличие от простого сантехника, его защищали два дорогих адвоката. После нескольких безуспешных попыток связать Роберта с убийством оперативники были вынуждены отступить и переключиться на другие версии.

Лишь спустя месяцы вскрылась правда о том, где Певда был в ночь убийства. Оказалось, он с другом подобрал на дороге девушку, отвёз на загородную дачу и изнасиловал. Пострадавшая отказалась писать заявление, и преступники остались безнаказанными.

Полиция также отработывала стандартные версии, предполагая, что убийцей мог быть кто-то из родственников или друзей. Эта гипотеза основывалась на статистике, согласно которой большинство убийств совершается людьми из ближнего круга жертвы. Однако проверка широкого круга знакомых Инги не дала никаких результатов.

Годы шли, и дело покрывалось пылью на архивных полках. Оперативники, работавшие над ним в 2015-м, уходили на пенсию или переводились в другие отделы. Новые сотрудники лишь бегло просматривали материалы, ставя на папке пометку «глухарь».

К обеду информация в голове Максима превратилась в гудящий улей, а глаза молили о пощаде. Он оттолкнулся от стола и подошёл к окну. Взгляду предстал классический полицейский натюрморт: серый бетонный двор, заставленный списанной техникой – молчаливыми памятниками былым погоням и задержаниям. Этот унылый пейзаж почему-то сработал как будильник для желудка.

Пора было подкрепиться. Максим решил устроить себе официальный перерыв, о чём и известил заведующую архивом, давая понять, что сегодня она его больше не увидит. В его планах на вторую половину дня значился визит к следователю, которому поручили подготовить отдельные поручения для оперативных служб и участковых по этим двум делам.

Первым предстояло растормошить свою агентуру, которая наверняка уже забыла, о чём шептались на районе десять лет назад. Вторым – совершить паломничество по квартирам и собрать свежие показания в стиле: «Да не помню я ничего, милоч».

Столовая, как и положено стратегическому объекту, была запрятана в конце длинного коридора на первом этаже. Внутри царила атмосфера строгого общепита: люди в форме ели быстро и молча, словно по команде. Шум стоял минимальный – видимо, все берегли силы для допросов.

Еда оказалась на удивление съедобной. Котлеты не напоминали подошву, а в супе, кажется, обошлись без традиционной ложки лимонной кислоты для дезинфекции. Однако спустя десять минут желудок Максима подал сигнал тревоги. Лёгкий дискомфорт быстро перерос в полноценное восстание. «Даже здесь без сюрпризов не обошлось», – подумал Вернер, вспоминая о спасительном «Маалоксе». Две таблетки, запитые водой, отправились на усмирение внутреннего пожара.

Пережив гастрономическое приключение, Вернер покинул столовую и двинулся на второй этаж, в обитель тех, кто задаёт неудобные вопросы, – в Следственный комитет.

Глава 8. Операция «Подпись»: битва с бюрократией.

Он взлетел на второй этаж и без труда отыскал нужную дверь. Табличка «Майор юстиции Кирсова Ж.Р.» выглядела так, будто её прикручивали в состоянии глубокой меланхолии.

Он постучал. Тишина. Постучал ещё раз, настойчивее. В ответ – лишь гулкое эхо. Не дождавшись приглашения, Вернер осторожно толкнул дверь и шагнул внутрь.

У окна, в позе утомлённой кариатиды, застыла женщина лет тридцати пяти. Форма сидела на ней так, словно была наказана за что-то. Одной рукой она опиралась на подоконник, а другой сжимала телефон, оживлённо воркуя в трубку. Интерьер кабинета был аскетичен до слез: низкий диван, выдавший лучшие дни, и журнальный столик с героически полной пепельницей.

Жанна Кирсова была женщиной, чью внешность природа, кажется, ваяла в понедельник утром после тяжёлых выходных. Черты лица, сами по себе неправильные, окончательно портили тусклые, как у уснувшей навеки рыбы, глаза. Вечно недовольное выражение лица, слегка перекошенное набок, недвусмысленно намекало на характер, способный окислить молоко в радиусе пяти метров. Агрессивно нарисованные брови и накладные ресницы, напоминавшие двух испуганных гусениц, могли бы отбить интерес к плотским утехам даже у самого любвеобильного бонобо. Фигура же представляла собой отдельную трагедию: короткие кривые ноги и грудь, плоская, как шутки начальника на планёрке.

Максим издал деликатный кашляющий звук, пытаясь прорвать звуковой барьер её телефонного разговора. Женщина лениво перевела на него взгляд, полный укора.

– Дорогая, у меня тут... Перезвоню, – бросила она в трубку, с грацией лесоруба швырнув телефон на стол.

Она села за стол и оценивающим взглядом смирала гостя с головы до ног.

Затем из пачки с игривыми розовыми цветочками была извлечена тонкая ментоловая сигарета. Зажав её между средним и указательным пальцами, капитан подкурила от изящной зажигалки. После первой глубокой затяжки она жеманно оттопырила мизинчик с таким маникюром, что он мог бы служить холодным оружием.

– Следователь Кирсова Жанна Родионовна, – выдохнула она дым в сторону Максима. – Чем обязана вашему вторжению?

– Лейтенант Вернер, из Главного управления Павлограда, – представился он, стараясь говорить максимально чётко и уважительно. Он достал из папки и положил на стол направление и несколько бланков поручения, заранее распечатанных на принтере.

Следователь кивнула и выдавила из себя что-то типа «приветствую», после чего пробежалась глазами по бумагам. Ознакомившись с их содержимым, она кивнула, что, видимо, означало: «я, мол, в курсе», но её глаза не выражали никакой заинтересованности в происходящем.

Лицо женщины выражало вселенскую усталость и явное нежелание заниматься чем-либо, кроме рисунка на своих длинных лакированных ногтях.

– По делам 2015 года, которые находятся в вашем ведении, необходимы поручения для проведения оперативно-розыскных мероприятий и опроса свидетелей по месту жительства подозреваемых.

– Приходите завтра, у меня сегодня дел по горло, – следователь сделала попытку избавиться от лейтенанта, словно от назойливой мухи.

Максим подавил вздох. Он знал этот тип бюрократов. Их девиз: «Любое дело можно отложить на завтра, если достаточно громко кричать «занята».

– Никак невозможно, Жанна Родионовна, – ответил он, стараясь, чтобы его голос звучал как бархат, а не как наждачная бумага. – Мероприятия срочные. Без вашей подписи – никак.

Следователь задумалась на несколько секунд и затем, словно неохотно подчиняясь законам физики, взяла в руки ручку и начала повторно просматривать бумаги. Максим замер, стараясь не дышать, чтобы не спугнуть её внезапный приступ работоспособности.

Кирсова водила ручкой по строчкам, словно выписывала иероглифы на древнем папирусе. Максим заметил, что она читает не вникая, просто скользит взглядом по тексту. Он знал, что так бывает. Следователи, заваленные делами, часто превращаются в машины для штамповки бумаг. Но в этом случае эта машина явно барахлила.

Вернер окинул помещение внимательным взором. Он не заметил ни одной вещи, не относящейся к работе. Ни на столе, ни на полках Максим не увидел фотографий близких следователя, что, в отличие от европейских стран, для России являлось обычным делом.

Большинство сотрудников не выставляли напоказ свою личную жизнь, предпочитая держать фото детей или любимой в портмоне или в телефоне.

Женщина, наконец, с видом величайшего одолжения, начала ставить подписи на бумагах. Каждая подпись давалась ей с видимым усилием, словно она выжимала из себя последние капли энергии.

Максим молча наблюдал, понимая, что любое неосторожное слово вернёт её в исходное состояние анабиоза, и квест придётся начинать заново.

Когда последняя подпись была выстрадана, женщина откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

– Всё, – пробормотала она. – Можете идти.

Максим аккуратно забрал бумаги, стараясь не шуметь.

– Спасибо, госпожа следователь, – сказал он, стараясь вложить в эти слова хоть немного искренности. Он понимал, что ей тоже нелегко. Работа следователя – это постоянный стресс, горы бумаг и мизерная зарплата. Но сейчас ему было не до сочувствия. Ему нужно было бежать, пока у него в руках были эти драгоценные поручения.

Покинув кабинет, Вернер выдал свою характеристику следователю Кирсовой:

«Типичный полицейский, туповатая и ограниченная. Не обладает личным обаянием и не любит свою работу».

Она разговаривала с ним так, словно перед ней был не человек, а дохлая крыса, которую притащил кот.

Ну ничего, не детей же с ней рожать. Видеться с ней придётся нечасто, как-нибудь переживёт.

Решив, что на сегодня будет достаточно, Вернер решил вернуться в гостиницу и спокойно поразмышлять над своими дальнейшими действиями.

Глава 9. «Под мухой я почти пророк»

Город плавился под полуденным солнцем. Вернер, словно шпион на вражеской территории, перебегал от одной спасительной тени к другой, прокладывая маршрут под кронами редких лип.

Дверь их гостиничного номера поддалась с тихим щелчком – не заперто. Значит, Михаил, его напарник и по совместительству ходячая иллюстрация к слову «командировка», никуда не отлучался. Максим швырнул папку с делом на стол в своей части комнаты и, задержав дыхание, шагнул на половину кадровика.

Воздух в обители капитана был густым, как лондонский туман, и состоял из двух основных фракций: аромата несвежих носков и амбре вчерашнего подвига над алкоголем. Вернер инстинктивно прикрыл нос воротом рубашки, рывком распахнул форточку и ретировался с поля боя, пока химическая атака не нанесла необратимый урон его обонянию.

Холодильник гудел, как маленький заводик. Его верхняя полка была плотно заставлена батареей бутылок с газировкой – стратегический запас Михаила на случай «ядерной зимы» в голове. Опытный командировочный всегда готовится к похмелью с основательностью фельд-маршала.

Прихватив одну из спасительных бутылок, Максим вернулся к себе в комнату, улёгся на диван и принялся анализировать все, что удалось узнать за сегодняшний день. Мысли роились, выстраиваясь в неутешительный план.

Первое и главное: материалов дела хватит, чтобы обклеить стены Останкинской башни. Изучать их в одиночку – все равно что вычерпывать море чайной ложкой.

Единственный шанс ускорить процесс – поговорить с оперативниками, работавшими над делом. Они могут знать то, чего нет в отчётах, и подсказать, где искать зацепки.

Ведь те, кто работал «в поле», могли обладать информацией, не зафиксированной в протоколах. Но оставался вопрос: служат ли они ещё, и захотят ли вообще вспоминать прошлое и делиться своими соображениями? В любом случае, завтра нужно обязательно поговорить с Матце и получить список этих людей.

Вернер открыл лэптоп, любезно одолженный кадровиком (видимо, в качестве компенсации за соседа). Поисковик послушно замигал курсором.

Он стал набирать в поисковике статистику похожих случаев похищения детей с территории дворов.

В памяти всплыл фрагмент допроса. Подруга пропавшей Вари, десятилетняя Вика, уверенно рассказывала: «Мы играли в прятки, а Варя побежала домой попить воды. Я видела, как она свернула к своему подъезду». Спустя годы, уже будучи старшеклассницей, она повторила это слово в слово, с той же детской убежденностью, словно заученный урок.

В 2015 году основные усилия направили на выявление психически больных лиц, мест проживания лиц цыганской национальности, а также мест, где могли эксплуатироваться попрошайки, находящиеся под контролем криминальных структур.

Максим протёр гудящие виски. Голова раскалывалась. Он чувствовал себя гоночным автомобилем, который со всей дури врезался в невидимую стену.

Он страстно желал направить свою энергию на пользу дела, но словно уткнулся головой в невидимую стену, и его двигатель работал вхолостую.

Дверь приоткрылась, и в коридор, словно призрак, всплыла шатающаяся фигура кадровика Михаила. Он пробормотал что-то нечленораздельное, похожее на проклятие всему сущему, и скрылся на кухне. Оттуда донеслись звуки священнодействия: сначала скорбный вздох старого холодильника, а затем победное шипение газировки, вырвавшейся на свободу.

Михаил припал к бутылке минералки с жадностью человека, только что пересёкшего Сахару на сломанном самокате. Пол-литра воды исчезли в его недрах, не успев даже толком охладить горло. Ритуал был завершён. Теперь можно было приступать к терапии.

Щедрой рукой он плеснул виски в два стакана, добавил ледяной колы, извлечённой из недр морозилки, и проследовал в гостиную. Там, на диване, в позе мыслителя, потерпевшего фиаско, застыл лейтенант Вернер.

Он просто сидел в тишине, почти неподвижно. Перед ним лежал лэптоп, и на светящемся экране маячила какая-то таблица. С утра парень был взбудоражен, и глаза его блестели, как у охотничьего пса, преследующего зверя. Сейчас блеск в его глазах немного утих, а лицо приняло озадаченное выражение.

Кадровик плюхнулся на диван и вытянул ноги, демонстрируя шершавые пятки – мечту мастера по педикюру.

– Как успехи, Шерлок? – спросил Михаил и тут же осёкся. – Хотя почему я спрашиваю? Судя по твоему виду, Мориарти снова победил.

– Удивительная наблюдательность, – пробурчал Максим. – Почему бы тебе не перевестись в следствие? Пропадаешь в кадрах.

– Там скучно, – скривился Михаил, словно ему предложили диетическую колу. – Держи. Порция хорошего настроения.

Он протянул стакан лейтенанту. Тот помедлил, но всё же принял подношение, ограничившись коротким кивком благодарности. Несколько секунд Максим задумчиво вращал стакан, разглядывая игру пузырьков в янтарной жидкости.

– Я в тупике, – наконец признался он. – Даже не знаю, с чего начать.

– Как с чего? – хмыкнул Михаил. – Начни с самого начала. Классика жанра, как в дурацких детективных романах.

Михаил поднял стакан и сделал глоток, смакуя жидкость на вкус. Вернер же опрокинул в себя почти всё его содержимое. Сладкий, приторный вкус ударил по рецепторам, ненадолго отвлекая от тягостных мыслей. Что это вообще? Кажется, Михаил называл это "порцией настроения". Настроение, которое нужно вливать в себя насильно, как лекарство. И помогает ли оно вообще?

Внезапно Вернер принялся и слегка отодвинулся.

– Миша, ты сегодня душ принимал? А то витает в воздухе какой-то... аромат.

– Всё некогда, – без тени смущения ответил кадровик, лениво пряча ноги под диван. – Слушай сюда, Макс, дам тебе почти бесплатный совет. – Голос его приобрёл поучительные, почти отеческие нотки. – Научу тебя, как избежать этой бесконечной гонки по кругу. Знаешь, когда все копают везде и сразу, в итоге ничего толком не находят.

Он сделал паузу, наблюдая за задумчивым лицом лейтенанта, затем наклонился ближе, понизив голос до заговорщицкого шёпота.

– Выбери одно направление. Самое тухлое, самое заброшенное. То, на которое все махнули рукой. И изучи его под микроскопом.

Кац подёргал за рукав рубашки, чтобы освободить от неё вспотевшую спину.

Уловив, что лейтенант не совсем понимает смысл его слов, Михаил поспешил пояснить:

– Самые очевидные версии уже обсосали со всех сторон. Не трать на них время. Возьмись за то, что кажется бредом. За самую маловероятную чушь. Даже если твои изыскания не дадут тот результат, на который ты рассчитываешь, то все равно они принесут пользу. Ты исключишь эти версии из списка и следующие группы не будут тратить на них своё время.

Вернер хмуро смотрел на Михаила, переваривая услышанное. Вроде бы просто, но в этой простоте крылась какая-то хитрая мудрость. Он привык к другому – к давлению сверху, к необходимости охватить все и сразу, к бесконечным отчётам и перепроверкам. А тут предлагалось копать вглубь, а не вширь.

– И что, по-твоему, это может быть в нашем случае? – спросил лейтенант, чувствуя, как в голове начинают шевелиться мысли.

– А ты помнишь, как в детстве искали клад? Все копали там, где, по их мнению, он должен быть. А находил тот, кто копал там, где никто не ожидал. Потому что клад прятали не там, где логично, а там, где безопасно. Так и здесь. Ищи не логику, а безопасность. Ищи то, что спрятано от глаз.

Максим молча смотрел на своего небритого, слегка помятого и определённо немытого коллегу, который с видом гуру непринуждённо потягивал виски с колой. И почему-то ему казалось, что в словах этого прожжённого циника правды больше, чем во всех методичках МВД.

– Спасибо, Миша! Очень хочется услышать твои советы, когда ты будешь трезвый.

Кадровик махнул рукой:

– Когда я трезвый, – икнул он, – то несу такую чепуху, что самому стыдно. А вот под мухой... под мухой я почти пророк!

– Капитан, а ты в управление когда собираешься? – спросил Вернер, решив сменить тему. Он сноровисто метнулся на камбуз и вернулся с трофеями: начатой бутылкой виски, запотевшей колой и тарелочкой с лимоном, который был щедро посыпан сахаром. Разлив янтарную жидкость по стаканам, он с шипением добавил колу.

Михаил, не говоря ни слова, осушил свой стакан одним мощным глотком, затем подцепил вилкой дольку лимона и отправил её в рот.

– Мне нужно отдохнуть. Вчера и сегодня было много важных дел. – Он бросил взгляд на пустые стаканы, намекая на причину своей усталости.

– Сегодня? Разве ты сегодня куда-то ходил? – удивился лейтенант.

– Все, хватит, – сказал он, с сожалением посмотрел на почти пустую бутылку и резанул ладонью по воздуху, словно отрезал. – А то ещё подумаешь, что я тут в запой ушёл. Просто тактический отдых.

Кац чиркнул спичкой, и в полумраке каюты его лицо на миг превратилось в маску из теней. Он глубоко затянулся и выпустил густое, сизое облако, которое медленно поплыло к потолку.

Вернер поморщился. Он не курил и не терпел запаха сигарет.

– Я по-быстрому пересёкся с местным кадровиком. Сам понимаешь, кое-каким бумагам необходима сегодняшняя дата регистрации в канцелярии.

Ну а завтра лично пред очи начальства явлюсь по всей форме.

Михаил откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза.

– А что там у нас с погодой на завтра? Надеюсь, шторма не будет. И так голова гудит.

– Погода завтра отличная. Жарко и безоблачно.

Михаил кивнул. – Хорошо. Тогда, пожалуй, пойду немного отдохну. Разбуди меня часов в семь. – Он поднялся с кресла и направился к своей каюте.

– И, Вернер, не злоупотребляй виски. Завтра нам ещё работать.

Вернер усмехнулся ему вслед. – Будет исполнено, капитан!

Вскоре из комнаты Михаила раздался богатырский храп. Стало ясно, что поработать сегодня уже не получится.

Вечер подкрался незаметно и грозил обернуться тоскливым марафоном по просмотру сериалов. И тут в голову пришла гениальная в своей простоте идея – воскресить свой аккаунт на сайте знакомств.

Пару лет назад он зарегистрировался на одном из таких «рынков тщеславия», но с тех пор благополучно забыл о его существовании.

Сдув виртуальную пыль со своего профиля, Максим вошёл в анкету. Ностальгия ударила в голову. Он выставил фильтры, достойные кастинг-директора: возраст от 18 до 25, город –

Аннамир. Лента запестрела лицами. Внимательно, словно сомелье, изучающий винную карту, он отбирал «образцы», достойные его внимания, и рассылал дежурные «Привет!».

Энтузиазм, с которым он начал эту авантюру, испарился минут через десять. В ответ – оглушительная тишина, нарушаемая лишь гудением ноутбука. «Может, дело не в приветствии, а в подходе?» – осенило Максима. Он вспомнил заветы гуру пикапа из старых статей: нужно быть оригинальным, цеплять за интересы!

Его взгляд упал на профиль девушки, указавшей в увлечениях путешествия. «Эврика!» – подумал Максим и напечатал: «Привет! Вижу, ты любишь путешествовать. А какое место на планете поразило тебя больше всего?» Отправив сообщение, он замер в предвкушении, сердце забилось, как у марафонца на финише.

Прошло ещё пятнадцать минут. Тишина. Максим уставился в экран, и в голове бился один вопрос: «Почему?!» Он снова открыл свою анкету, сканируя её в поисках изъяна. И нашёл. Фото.

На нём он, во всей красе, в полицейской форме. «Ну конечно, – пронеслось в голове. – Кто захочет знакомиться с человеком, который выглядит так, будто только что сбежал с дежурства?» Снимок был безжалостно удалён.

Вместо него – пара свежих фото: вот он с загадочной улыбкой на фоне чужого спорткара, вот – многозначительно смотрит в даль с чашкой кофе. Воодушевлённый ребрендингом, он разослал новую партию сообщений, стараясь быть остроумным и нетривиальным.

Но время шло, а почтовый ящик оставался девственно чист. Разочарование сменилось праведным гневом. Максим с грохотом захлопнул ноутбук, словно пытаясь прихлопнуть свою неудачу.

Откинувшись на спинку кровати, он погрузился в самокопание. «Дело не в форме, дело во мне», – прошептал он, как в дешёвой мелодраме. Но в чем? Не урод, не глуп. Работа есть, хобби имеются, даже кот. Правда, у матери, но это же деталь!

С обречённым любопытством он снова открыл сайт. Перечитал свои «оригинальные» сообщения. Одно звучало как шаблон из статьи «100 лучших фраз для знакомства». Другое – как допрос следователя. Все они кричали отчаянием и желанием понравиться, а не искренним интересом.

Плюнув на это гиблое дело, Максим включил старый добрый рок. Музыка, под которую он когда-то не парился, что о нем подумают, наполнила комнату, смывая напряжение.

И тогда он снова открыл сайт. Без цели, без надежды, просто листая ленту. Взгляд зацепился за профиль. На фото – старая виниловая пластинка. В описании – любовь к джазу и мечта научиться играть на саксофоне. Что-то настоящее в этом было. И Максим, забыв все заученные приёмы, просто написал:

«Привет! Всегда мечтал сходить на джазовый концерт, но одному как-то неловко. Не составишь компанию?»

Он отправил сообщение и, не дожидаясь ответа, закрыл ноутбук. На кухне он ритуально избавился от пустой бутылки, открыл новую и, наполнив стакан, вернулся в комнату. На экране ноутбука мигал значок уведомления. Сердце сделало кульбит. Он медленно открыл сообщение.

«Привет! Звучит заманчиво. Я готова рискнуть и составить тебе компанию».

Максим улыбнулся. Кажется, вечер перестал быть томным.

Завязалась беседа, лёгкая и стремительная, как джазовая импровизация. Около часа они с Виолеттой (так звали хозяйку виниловой пластинки) переписывались обо всём на свете: от лучших альбомов Колтрейна до худших способов приготовить яичницу. Время схлопнулось, и Максим с удивлением понял, что идея зайти на этот базар тщеславия оказалась на удивление удачной. Ему стало до чёртиков интересно, какая она в жизни, эта Виолетта, – вне экрана монитора, без смайликов и гифок с котиками.

Но вот наступила ночь, и пришло время прощаться.

«Спокойной ночи, Виолетта. Пусть тебе приснится, как ты виртуозно играешь на саксофоне», – написал Максим, чувствуя непривычную лёгкую грусть.

«Сладких снов, Максим. А тебе – что ты не арт-критик, а просто наслаждаешься музыкой», – прилетело в ответ. Он выключил компьютер, но её образ, сотканный из остроумных фраз и самоиронии, никак не хотел покидать его голову. Максим откинулся на подушку и закрыл глаза, чувствуя, как по лицу и шее разливается дурацкое тепло.

В соседней комнате Михаил внезапно перестал издавать звуки, похожие на работу трактора на холостом ходу. Номер погрузился в блаженную тишину. И в этой тишине Максим впервые за долгое время улыбался не экрану, а своим собственным мыслям.

Глава 10. Эхо исчезновения.

С первыми лучами солнца Вернер, освежившись под струями душа, покинул отель. В отличие от него, Михаил не спешил: он планировал появиться в управлении не раньше девяти. Встав пораньше, он уделил время тщательной глажке своей парадной формы, готовясь к предстоящему рабочему дню.

У входа в управление Максим мерил шагами плитку тротуара, то и дело бросая нервные взгляды на часы. Двадцать минут ожидания майора Матце растянулись в липкую, мучительную вечность. Каждый проезжающий автомобиль заставлял его сердце замирать в надежде, сменявшейся разочарованием.

Наконец, около восьми утра, подъехала машина майора. Заметив лейтенанта, майор остановился.

Наконец, около восьми, знакомый силуэт служебной машины плавно затормозил у бордюра. Заметив Вернера, который как раз подходил к крыльцу, майор опустил стекло.

– Товарищ майор, – Вернер подошёл ближе, его голос звучал решительно. – Разрешите обратиться с просьбой.

Матце кивнул, его взгляд был усталым, но внимательным.

– Говори, лейтенант.

– Мне нужны контакты оперативников или следователей, которые вели дела по тем двум убийствам. Хочу с ними побеседовать, может, кто-нибудь даст дельный совет.

– Правильно делаешь, что не ограничиваешься бумажной работой, – одобрительно кивнул майор. – Даже в самых безысходных ситуациях нужно бороться до конца. Это качество очень важно для оперативника. Начальник кадров немного помолчал, разглядывая Вернера. В его взгляде читалось одобрение и какая-то едва уловимая грусть. Он словно видел в молодом оперативнике себя, только лет двадцать назад, с тем же неуёмным желанием докопаться до истины.

– Хорошо, лейтенант, – наконец произнёс Матце, – контакты я тебе дам. Но учти, дела старые, следователи могли уйти на пенсию, перевестись, а то и вовсе... – он замолчал, не договорив. – В общем, не жди, что всё будет просто.

Вернер уделил посещению архива немногим более часа. К его удивлению, в самом архиве ксерокса не было. Единственный аппарат, дребезжавший в канцелярии на втором этаже, был вечно оккупирован сотрудниками, копирующими стопки текущих документов.

Чтобы сделать копии нужных страниц, требовалось вынести дело из хранилища, а для этого – оформить кипу бумаг и получить специальное разрешение. Процедура казалась настолько нелепой, что лейтенанту пришла в голову шальная мысль: проще было бы самому притащить сюда копировальный аппарат, чем пробиваться через эти бюрократические барьеры.

По совету кадровика, Вернер решил заняться исключительно проверкой алиби фигурантов одного из направлений расследования.

Максим отыскал том дела о пропавшей девочке и отснял на телефон список и протоколы допроса жителей второго подъезда дома № 12, в котором проживала пропавшая Варвара.

С этого момента каждый из них стал для него потенциальным подозреваемым.

Его ждала долгая и кропотливая работа, погружение в океан пустых разговоров и словесного шлака. Но он был готов. За каждой сплетней, за каждым ядовитым слухом могла прятаться та самая ниточка, которая распутает этот клубок. Ему предстояло стать частью этого двора, мимикрировать под местного, чтобы увидеть то, что скрыто от чужих глаз.

План действий по делу об убийстве Пихлак он собирался разработать после осмотра места преступления и обстоятельной беседы с оперативником, непосредственно участвовавшим в расследовании.

Покинув управление, Вернер побрёл к автобусной остановке. Всего пара кварталов, но они казались марафоном. Седьмой маршрут, идущий к площади Свободы, должен был доставить его в царство панелек и промзоны, на улицу с ироничным названием Светлая. Именно там, на границе цивилизации, ранее проживала семья Рудовых.

Автобус подошёл, набитый усталыми телами, и через полчаса выплюнул Максима на нужной остановке. Конечная. Вокруг кипела жизнь, если можно назвать жизнью суету у магазинов, парикмахерской и аптеки.

По тротуарам сновали люди, словно муравьи, каждый погружённый в свои мысли и заботы. Все они куда-то спешили, преследуя свои цели.

И среди этой суеты лейтенант плыл, как потерянный корабль в бушующем море.

Пока трясся в автобусе, Вернер пробежал глазами по бланкам допросов. На первый взгляд, это был идеальный подъезд. Все друг друга знают, все положительные характеристики, все как один – с алиби. Почти треть жильцов отпадала сразу – пожилые люди, физически не способные на похищение.

Он сверился с картой в телефоне. До дома было ещё около километра, идти пешком минут пять. Максим вздохнул и двинулся в путь.

Первые многоэтажки встретили его унылой серостью. Облупившиеся фасады, балконы с облезлой краской, покосившиеся качели на детских площадках и вездесущие кучи мусора – типичный пейзаж спального района, застывшего во времени.

Лейтенант без труда нашёл дом номер двенадцать – безликую панельку, одну из тысяч, разбросанных по городу. Подъезд встретил его запахом сырости, исписанными стенами и мёртвым глазком сломанного домофона.

Первый вопрос: с чего начать?

Вернер вздохнул, присаживаясь на обшарпанную скамейку у заброшенной детской площадки. Он открыл папку и стал ещё раз, более внимательно просматривать копии протоколов допросов.

Во втором подъезде расположены квартиры с 37 по 72.

Он мысленно выстроил план этажа. Четыре квартиры: две смотрят во двор одним окном, две другие – кухонным балконом и широкими окнами гостиной. У каждой есть и окна на противоположную, глухую сторону дома.

В день, когда пропала девочка, на первом этаже было тихо. Две квартиры слева пустовали: хозяйка 37-й, 46-летняя женщина, гостила у сестры в Кисловодске, а молодая пара из 38-й укатила в отпуск в Карелию. Справа от них доживала свой век пожилая пара. Старики почти не выходили из дома, мир для них сузился до четырёх стен и ежедневных визитов дочери с продуктами.

Последняя, угловая квартира. Муж и жена, ему сорок шесть, ей сорок пять. Женщина тяжело болела, почти не вставала. Супруг, высокий грузный мужчина, неотлучно был при ней – и сиделка, и охранник.

Варя жила на втором. Максим сразу отбросил версию с лифтом – девочка всегда бегала по лестнице. Значит, круг сужается до жильцов первого и второго этажей.

Первый этаж – мимо. Старики едва передвигаются, а у супругов из угловой квартиры железное алиби. На допросе женщина уверенно заявила, что они с мужем весь вечер смотрели сериал, а о пропаже соседской девочки узнали, лишь когда её родители подняли тревогу.

Второй этаж. Первая квартира слева – здесь жил отец девочки, Степан, тридцати шести лет. В протоколе его история была изложена сухо, но за строчками угадывалась трагедия. Поздно встретив свою любовь, он мечтал о большой семье. Они уже планировали второго

ребёнка, но судьба ударила наотмашь: его жена Мария тяжело заболела. Казалось, худшее позади, но после нескольких месяцев в больнице она просто собрала вещи и исчезла, не сказав ни слова. Нашла приют в глухой деревне у дальних родственников и оборвала все связи. Степан не выдержал. Сдал их общую квартиру и перебрался на дачу в тридцати километрах от города. Говорили, что он страшно запил, пытаясь утопить в бутылке свою боль.

Дальше по коридору – черед сменявшихся жильцов. В 2015-м здесь жила мать-одиночка с маленьким сыном, но уже через год, напуганная криминальной обстановкой района, сбежала к родне в Аргентину. Сейчас в этой квартире обитала пара свежеиспечённых пенсионеров, всю жизнь отдавших соседней фабрике.

В квартире напротив в августе 2015-го шёл ремонт, но в день исчезновения стояла тишина – мастера-южане уехали на неделю в отпуск.

Крайняя правая квартира. Когда-то здесь жили близкие друзья семьи – супруги с двумя детьми-подростками. Но в 2016-м они разменяли свою трёшку на две однушки в разных концах города.

Лейтенант закрыл папку и задумался. Круг подозреваемых сузился до нуля.

Ни зацепок, ни улики – лишь давящая тишина двора и ощущение собственной беспомощности.

Десять лет. Целая вечность, за которую дело об исчезновении Вари не сдвинулось ни на миллиметр. Оно не просто зашло в тупик – оно умерло почти сразу, оставив после себя лишь картонные папки, набитые бесполезными бумагами. Ни одной рабочей версии. Ни одной зацепки. Словно девочка просто растворилась в воздухе.

«Но кто-то же причастен к её исчезновению! Не инопланетяне же?»

Он невольно поднял взгляд к небу, словно ожидая увидеть там летающую тарелку с марсианами.

Он знал, что, если бы на месте Варвары была взрослая женщина, никто бы не стал тратить столько сил на её поиски. «Сбежала с любовником, и дело с концом», – отмахнулись бы полицейские, лишь бы не возиться с бумажной волокитой.

Мечты о славе сыщика, озарённые светом софитов и овациями коллег, разбились о суровую реальность. Вместо захватывающей погони и гениальных умозаключений – тупик.

Максим пришёл сюда с надеждой раскрыть дело, как в детективных фильмах, где каждый шаг ведёт к разгадке. Он приехал сюда, воображая себя героем детектива, который видит то, чего не заметили другие. Он представлял, как собирает по крупичкам улики, как в его голове складывается пазл, и вот он – преступник, пойманный и обезоруженный его интеллектом.

А теперь он просто сидел на старой скамейке, раздавленный и растерянный. Подозревать было некого: старики едва передвигались, а у остальных – железобетонное алиби.

Как же сейчас не хватало рядом опытного наставника. Таких, как Шерлок Холмс или комиссар Мегрэ, которые могли бы по одному лишь окурку, найденному у подъезда, раскрыть запутанное дело.

Он запустил пальцы в волосы, с силой сжав их у корней. Годы в академии, бессонные ночи над учебниками, отработка приёмов... И ради чего? Чтобы сидеть посреди чужого двора и чувствовать себя никчёмным, как ржавый гвоздь, который не держит, а только царапает.

Лейтенант встал, отряхнул брюки от пыли и медленно пошёл к подъезду.

Из подъезда выпорхнула молодая семья: отец и мать, держа за руки двух очаровательных близняшек лет восьми-девяти. Девочки, словно два солнечных зайчика, с любопытством уставились на незнакомого мужчину. Их взгляды были открытыми и искренними, а улыбки – такими заразительными, что невольно хотелось улыбнуться в ответ.

Вернер проводил их взглядом, и в его голове промелькнула мысль: «Жизнь продолжается, несмотря ни на что. Уверен, не все жители этого дома знают, что много лет назад с их двора пропал ребёнок».

Поднявшись на второй этаж, он замер перед дверью бывшей квартиры Вари. За ней слышались приглушённые голоса, смех – там текла чужая, новая жизнь. Он закрыл глаза, пытаясь вызвать образ того дня, но в голове была лишь пустота, забитая сухими фактами из отчётов.

Неужели и он, как его предшественники, ограничится формальным опросом? Пройдётся по квартирам, задаст дежурные вопросы жильцам, которые и не слышали о трагедии, и поставит очередную галочку в деле?

Вернер обвёл взглядом обшарпанные стены, исцарапанные перила. Может, эксперты тогда работали спустя рукава? Или преступник и впрямь оказался дьявольски умён, не оставив ни единой ниточки?

Максим задумался. Стоит ли зарываться в эти тома, изучать каждую деталь, зная, что до него это делали десятки раз? Не станет ли это очередной бесполезной тратой времени? Он не был Шерлоком. Если уж проводить аналогии, он был инспектором Лестрейдом – добросовестным, исполнительным, но абсолютно лишённым гениальности.

Спустившись вниз, он снова посмотрел на небо. Никаких летающих тарелок. Только серые тучи, нависшие над городом, обещали долгий и холодный дождь. Такой же холодный и беспросветный, как это дело.

Лейтенант открыл папку и достал бланк с задачами, которые были поставлены перед его группой.

Список задач, мягко говоря, вызывал недоумение. "Повторно опросить... повторно проверить..." – слова эхом отдавались в голове. Задачи, казалось, были сформулированы в отрыве от реальности. Он прекрасно понимал, что это бессмысленная трата времени и ресурсов, но возражать начальству никто не станет. Отчитаться придётся, а вот как это сделать, Максим пока не представлял. Опыта в составлении формальных отписок у него не было.

Как, например, отчитаться об опросе людей, которых уже нет в живых, или тех, кто давно покинул город и след их простыл? Вернер отложил бланк. Тяжело вздохнул. "Повторно...". Это слово звучало как издёвка.

Он представил себе, как будет выглядеть: "Произведён повторный опрос соседки бабы Клавы, проживавшей в квартире номер три. В ходе опроса установлено, что баба Клава, к сожалению, скончалась в 2015 году.

В связи с чем, получить от неё показания не представляется возможным".

Абсурд. Полный абсурд.

«Я даже не представляю, как подступиться к этому бреду. Как мне опросить тех, кто давно в земле лежит? Или тех, кто уехал в Аргентину и с концами?»

Наверняка Михаил предложит что-нибудь в духе: «В связи с длительным сроком давности и отсутствием актуальных контактов установить местонахождение свидетеля Иванова Ивана Ивановича не представляется возможным. Проводятся мероприятия по установлению его родственников для получения информации о его возможном местонахождении».

Или что-то ещё более витиеватое и бессмысленное.

«Ну, смотри, – представил лейтенант голос Михаила, – с покойниками всё просто. Пишем: "В связи со смертью свидетеля провести опрос не представляется возможным. Однако в ходе изучения архивных материалов установлено, что свидетель при жизни не располагал информацией, имеющей значение для следствия". И всё! Кто проверит?»

Максим усмехнулся. Да, в этом был смысл. Главное – создать видимость работы и прикрыть задницу. А вот с "аргентинцами" будет сложнее. Тут нужно что-то более креативное.

Он снова взглянул на бланк, словно надеясь, что слова на нём изменятся, станут более разумными и логичными. Но они оставались прежними, как будто насмехаясь над его растерянностью.

Лейтенант последний раз оглядел двор и направился к остановке, погрузившись в мысли о предстоящем отчёте.

Это не просто бумажка, а минное поле, где каждая неточность, каждое упущение может обернуться публичной поркой. Начальник управления, известный своей въедливостью и любовью к показательным разносам, наверняка отыщет малейшую зацепку, чтобы продемонстрировать свою власть. В воображении Максима уже разворачивалась сцена: он, обливаясь потом, стоит в зале совещаний перед сотней коллег, а начальник методично разбирает его отчёт по косточкам, превращая его в посмешище.

Вернер вышел к перекрёстку и сразу же заметил автобус, который готовился к отправке. Водитель, поглядывая на свои часы, нервно нажимал на педаль газа, словно пытаясь ускорить время.

Машина ревела, словно раненый бык на арене, изрыгая клубы чёрного дыма. Прохожие, оказавшиеся в эпицентре этой «химической атаки», возмущённо ругались, но водитель, казалось, не обращал на них никакого внимания. Сейчас он тронется, а потом, наверняка, закурит свою дешёвую сигарету, щедро делясь её едким дымом с пассажирами. Словно напоминая жителям этого забытого богом места: «Тут вам не Париж».

Лейтенант Вернер рванул вперёд и запрыгнул на подножку автобуса за мгновение до того, как двери с шипением закрылись.

Ещё бы секунда промедления, и водитель, не церемонясь, оставил бы его на остановке. Вернер в этом нисколько не сомневался.

Час путешествия в этом переполненном, душном автобусе тянулся бесконечно. Те счастливики, кому удалось занять место у окна, жадно прижимались к стеклу, пытаясь ухватить хоть немного свежего воздуха.

Вернер, казалось, впитал в себя все запахи, витавшие в салоне, – эту гремучую смесь пота, дешёвого парфюма и чего-то съестного. Вывалившись наконец на своей остановке, он сделал несколько глубоких вдохов, пытаясь проветрить лёгкие, и поспешил в управление.

Глава 11. Как «ОК» привело к танго с кактусами.

Проходя через турникет, Максим мечтал поскорее оказаться в прохладном помещении с кондиционером, но его размышления о спасительной прохладе прервал новый сержант, стоявший на посту с видом римского центуриона на страже империи.

– Куда направляетесь, гражданин? – спросил он, разглядывая лейтенанта с недоверием.

Максим достал из кармана сложенное направление и временное удостоверение, протянув их охраннику.

– Лейтенант Вернер Максим, направлен...

Сержант принялся изучать бумаги, сначала вслух, а потом, словно боясь ошибиться, перешёл на беззвучное бормотание, комично двигая губами.

После долгой паузы он наконец поднял взгляд и вернул бумаги обратно.

– Проходите, – произнёс он тоном, который внезапно потеплел на пару десятков градусов.

Лейтенант кивнул в знак благодарности и, не желая терять время, направился к своему кабинету.

Кабинет, конечно, громко сказано. Скорее, угол, отгороженный от общего пространства двумя шкафами.

Сегодня он решил объявить бойкот отчётам. В этом вопросе вся надежда была на Михаила. Тот, благодаря своему богатому опыту, мог помочь набросать план мероприятий. И речь шла не о пикантных подробностях вроде бурных вечеринок и мимолётных романов с легкодоступными женщинами, а о чётком изложении предстоящей работы.

Если же Михаил окажется не в состоянии помочь, придётся искать другого специалиста в местном управлении. Главное, чтобы этот человек не запросил за свою помощь коллекцию импортного алкоголя.

Если Максиму удастся в ближайшие дни разгрести эту гору бумажной волокиты – рапорты, отчёты и прочую макулатуру, – у него появится шанс заняться настоящим делом. Шанс выследить убийцу, который умудрился оставить с носом всю правоохранительную систему.

Нельзя сказать, что Максим был переполнен верой в себя, но им двигала какая-то иррациональная сила, жгучее желание докопаться до истины. Большинство его однокурсников по академии уже с головой ушли в поиски простых радостей жизни – будь то пятничные посиделки до утра или охота на представительниц прекрасного пола. Максим же чувствовал, что его призвание – нечто большее.

Чтобы хоть на парсек приблизиться к ней, придётся зарыться в бумажную рутину. Несколько дней, а то и недель проклятой канцелярщины. Перспектива провести время в пыльном архиве, изображая из себя каменного истукана, совсем не радовала.

Забавно, но при поступлении в академию почти все курсанты уверены, что их ждут захватывающие погони в духе «Безумного Макса». Никто не предупреждает их, что большую часть времени они будут гоняться не за преступниками, а за последней чашкой кофе, и что единственный экшен – это попытка заставить работать старый принтер.

Вчера, в очередной раз перечитывая показания свидетеля, который десять лет назад видел «какого-то типа в шляпе», Вернер поймал себя на мысли, что до разгадки ему ещё копать и копать. И что к концу этого дела он рискует превратиться в мумию, затерянную среди стеллажей с уголовными делами.

В очередной раз он ловил себя на мысли, что завидует тем парням из отдела по борьбе с наркотиками. У них хотя бы есть шанс поучаствовать в настоящей перестрелке, пусть и с риском для жизни. А он? Риск заработать сколиоз и аллергию на пыль. Хотя, если подумать,

аллергия на пыль – это тоже своего рода профессиональная деформация. Как у шахтёра – силикоз, а у опера – хронический ринит.

Лейтенант Максим вернулся в управление с чётким намерением: с головой нырнуть в дело об убийстве Инги Пихлак. Он собирался перетряхнуть каждый документ, особенно протоколы опроса соседей. Его интересовали мельчайшие детали: как оперативники проверяли их алиби, копались ли в их прошлом или просто поверили на слово милой старушке, которая «ничего не видела, ничего не слышала». Он был уверен: где-то там, в этих пыльных страницах, прячется зацепка, которую все проглядели. И он её найдёт. Даже если для этого придётся чихать до конца своей карьеры.

Архив оказался заперт. Бессменная хранительница древностей Эльвира, как сообщил дежурный, слегла с недугом и вернётся только завтра, а то и послезавтра.

«Прекрасно, – подумал Максим. – Планы, как и положено планам, пошли прахом».

Раз уж документы временно недоступны, нужно осмотреться на месте преступления. Но сначала – гигиена. После целого дня под палящим солнцем он чувствовал себя не просто уставшим, а источал аромат, способный в одиночку разогнать несанкционированный митинг. Путь лежал напрямик в гостиницу, в спасительные объятия душа.

Однако по возвращении в номер лейтенант Вернер первым делом бросился не в ванную, а к ноутбуку. Сайт знакомств встретил его оглушительной тишиной от Виолетты и двумя письмами от незнакомок. Любопытство боролось с желанием смыть с себя дорожную пыль, но гигиена победила.

Выйдя из ванной, Максим почувствовал себя новым человеком. Свежесть воды прояснила не только тело, но и мысли. Накинув шорты, он с предвкушением открыл сообщения.

Первое же письмо обрушилось на него ледяным водопадом разочарования. В ответ на вежливое приветствие некая «Королева» разразилась отборной бранью, посоветовав ему обратить свой взор на «деревенских лахудр», а не беспокоить особ её ранга. Вернера бросило в жар. Он залпом осушил остатки минералки, словно пытаясь потушить внутренний пожар.

Вторая, по имени Надежда, на его комплимент о красоте и разносторонности (в анкете было указано, что девушка владеет шестью языками), ответила лишь: «ОК».

С «Королевой» всё было ясно – типичный случай самоутверждения за чужой счёт. Но это «ОК» ... Что оно скрывало? Вселенское равнодушие? А может, это был крик о помощи, зашифрованный по системе, известной лишь носителям шести наречий?

Вернер откинулся на спинку стула, размышляя о том, как сложно порой понять людей через экран.

Решение пришло внезапно. Он напишет ей что-то абсурдное, что-то, что вызовет у неё хоть какую-то реакцию, кроме этого проклятого «ОК». Он наберёт случайный набор слов на одном из своих двух языков, а потом переведёт его на один из её шести, используя онлайн-переводчик. Получится полная бессмыслица, но, может быть, именно это и нужно, чтобы пробить эту стену равнодушия.

Вернер решительно уставился в монитор. Что он теряет, в конце концов? Достоинство? Оно и так было под вопросом.

«Привет, я люблю есть кактусы по средам, особенно если они танцуют танго под дождём из мандаринов», – напечатал он, чувствуя, как абсурдность фразы просачивается сквозь клавиши.

Он скормил этот бред онлайн-переводчику и выбрал французский. Почему? Потому что язык любви – идеальное прикрытие для откровенной глупости. Через секунду элегантно «Bonjour, j'aime manger des cactus...» полетело в её чат.

Вернер откинулся на спинку кресла, ощущая головокружение от собственной дерзости. Он представил её лицо: недоумение, лёгкая улыбка, а затем... вердикт: «Сумасшедший». Но, может, именно это ей и нужно?

Пришёл ответ. Одно слово: «Pourquoi?»

«Почему?» – это был не конец, а приглашение. Вернер решил поднять ставки и переключился на немецкий – язык точности и порядка, что делало его следующий ход ещё более абсурдным.

«Немного о себе. У меня аллергия на единорогов, особенно если они поют оперу на санскрите».

Немецкая версия, «Ich glaube, ich bin allergisch gegen Einhörner...», отправилась следом. Теперь он был не просто странным, а странным на международном уровне.

Ответ пришёл мгновенно. «Interessant».

«Интересно». Не «беги, пока не поздно», не эмодзи с крутящимся пальцем у виска. Это слово было швейцарским ножом вежливости: им можно было и одобрить, и вскрыть себе вены от скуки. Но Вернер почувствовал в нём искру. Она не испугалась. Она наблюдала. Он решил идти до конца.

«Я думаю, это связано с высоким содержанием лактозы в их слезах. И, возможно, с тем, что санскрит вызывает у меня лёгкую головную боль. А у вас есть какие-нибудь необычные аллергии?»

Немецкий перевод был готов. Кнопка «Отправить» была нажата. Мяч, начинённый единорогами и кактусами, снова был на её стороне. Вернер замер, вслушиваясь в тишину интернета. Теперь он ждал не просто ответа, а подтверждения, что где-то там, на другом конце провода, сидит такой же прекрасный сумасшедший.

Тишина в цифровом пространстве звенела громче, чем в первый раз. Максим, загипнотизировав взглядом экран, ждал заветного уведомления. В животе зарождалось знакомое щекотание – смесь волнения и тревоги.

Первое «Interessant» могло быть простой вежливостью. Но второй ответ решит всё: зацепило ли её его странное признание, готова ли она играть в эту игру.

Он пытался отвлечься: ходил по комнате, пил воду, но мысли упрямо возвращались к ней. Улыбается ли она, читая его сообщение? Хмурится? Он снова и снова обновлял страницу, словно мог силой воли заставить ответ появиться. Может, он перегнул палку? Показался глупым?

Когда он уже был готов признать поражение, раздался короткий сигнал. Сердце подпрыгнуло. Он затаил дыхание и открыл сообщение.

На экране красовалось: «Ich glaube, ich habe eine Allergie gegen Leute, die Allergien gegen Einhörner haben.»

Максим моргнул, перечитал, а затем бросил фразу в онлайн-переводчик. Ответ появился мгновенно: "Я думаю, у меня аллергия на людей, у которых аллергия на единорогов."

Он не сдержался и рассмеялся – громко, от души. Его накрыло волной облегчения и радости. Она не просто ответила. Она приняла его вызов, подыграла, добавив свою изюминку. Игра началась.

Прилив адреналина ударил в голову. На этот раз без переводчика, только от сердца.

Он напечатал: "Тогда нам лучше держаться подальше друг от друга. А может, просто проигнорируем наши аллергии и посмотрим, что из этого выйдет. Как думаете?"

Отправив сообщение, он откинулся на спинку кресла. Теперь он не отводил взгляд от экрана, с улыбкой ожидая её следующего хода.

Время тянулось мучительно медленно. Он снова проверил почту, потом новости, потом снова папку с сообщениями. Ничего. Он начал нервничать. Может быть, он был слишком напористым? Может быть, его предложение показалось ей слишком смелым? Может быть, она уже передумала и решила, что он слишком странный для неё?

Он начал придумывать запасные варианты. Если она ответит отказом, он придумает что-нибудь забавное, чтобы сгладить ситуацию. Если ответит уклончиво, попробует сменить тему. Если ответит... Он не знал, что сделает, если она ответит согласием.

Внезапно раздался звук уведомления. Он вздрогнул, словно его ударило током. Медленно, осторожно открыл папку с сообщениями.

Там было новое сообщение. Он затаил дыхание и открыл его.

На экране красовалось: «Ich tendiere zu Option Nummer drei. Aber ich bestehe darauf, dass wir uns vorher auf die Art der Antihistaminika einigen. Ich habe da so meine Präferenzen.»

Привычным движением Максим скопировал текст в онлайн-переводчик. Секунда ожидания, и...

«Я склоняюсь к варианту номер три. Но настаиваю, чтобы мы заранее договорились о виде антигистаминных. У меня есть свои предпочтения».

Максим выдохнул и улыбнулся. Широко, искренне, с таким облегчением, будто с плеч свалился камень. Она не просто согласилась – она приняла его игру и добавила свои правила.

«Антигистаминные для нашего взаимодействия...» – он усмехнулся. Вспомнились слова мамы из детства: «Смех – лучшее лекарство».

Он быстро напечатал ответ: «Предлагаю обсудить наши предпочтения за чашкой кофе. Уверен, смех – лучший антигистамин, который нам понадобится».

Отправив сообщение, он откинулся на спинку кресла, но расслабиться не успел. Почти мгновенно пришёл ответ. Сердце снова ухнуло вниз. Он кликнул по уведомлению, боясь спугнуть удачу. Снова немецкий. Снова переводчик.

«Ich lache selten über Witze, aber ich liebe Ironie. Und Kaffee. Starken Kaffee.»

«Я редко смеюсь над шутками, но обожаю иронию. И кофе. Крепкий кофе».

Ирония. Вот оно что. Не просто смех, а тонкая, интеллектуальная игра. Это было даже лучше, чем он мог себе представить. Он попытался вообразить её в этот момент: чуть сведённые брови, лёгкая усмешка в уголке губ? Он ничего не знал о ней, кроме этих коротких фраз, брошенных в цифровое пространство. Но в последнем сообщении ему почудилось что-то ещё – не только вызов, но и нотка одиночества.

Как ответить? «Я тоже люблю иронию и кофе» – банально, предсказуемо. Нужно что-то, что покажет: он понял намёк, он готов играть. Максим чувствовал себя актёром, которому внезапно дали главную роль, но он забыл все реплики. Он набирал текст, стирал, снова набирал. Слова казались неуклюжими, лишёнными той лёгкой элегантности, которой дышало её сообщение. Наконец, он решился.

«Сарказм – мой любимый вид юмора. А вместо кофе предпочитаю чай. Чёрные, как мои мысли».

Подмигивающий смайлик. Не слишком ли? Он нажал «отправить», прежде чем успел передумать.

Ожидание было недолгим. Телефон снова ожил, и на этот раз сердце забилось уже не с тревогой, а с предвкушением.

«Сарказм – это прекрасно! А чёрный чай – мой любимый».

Тёплая волна прокатилась по телу. Он не ошибся. Он расшифровал её код, и теперь перед ним открывался целый мир.

Мир, в котором можно обмениваться колкостями, пить черный чай и, возможно, узнать друг друга немного лучше. Игра началась.

Он снова положил ноутбук на колени, но не спешил отвечать. Нужно было обдумать следующий ход. Нельзя было спугнуть эту хрупкую нить, которая только начала плестись между ними.

В этот момент раздался звук уведомления. С нетерпением он открыл сообщение: «Мне пора уходить по делам. Было приятно познакомиться. До встречи!»

Сперва Максим немного растерялся. Потом вспомнил, что и ему пора. Увлёкшись перепиской с загадочной девушкой, он забыл про важные дела. Но, несмотря на это, в душе оставалось приятное послевкусие. В конце разговора девушка общалась с ним совсем не так сухо, как в начале. Он был уверен, что это только начало, и их приятное общение обязательно продолжится.

Он закрыл ноутбук, чувствуя лёгкое разочарование, смешанное с оптимизмом. "До встречи!" – это звучало многообещающе. Не просто вежливое прощание, а намёк на продолжение.

Вернер словно вынырнул из густого, сладкого тумана. Переписка с загадочной вытянуло его из реального мира, заставив напрочь забыть о главном – о расследовании. Словно опомнившись, лейтенант резко вскочил с кровати. Быстро накинув свежую рубашку, сменив шорты на строгие брюки, он схватил папку с материалами дела и выскочил из номера.

Глава 12. Загадка перекрёстка.

Вернер углубился в лабиринт городских улиц, ориентируясь по цифровой карте в своём телефоне. До улицы Рериха, его конечной цели, оставалось около двух километров.

Он мог бы проехать на общественном транспорте, но для этого пришлось бы сделать небольшой крюк и две пересадки. К тому же, ему хотелось насладиться прогулкой по одной из старейших улиц Аннамира – Зелёной, о которой он узнал накануне, читая в интернете.

Вместо ожидаемой зелени и уюта его встретила серая, унылая картина. Обшарпанные фасады домов, разбитые тротуары, мусор, валяющийся по обочинам. Зелёной здесь была разве что краска, которой когда-то покрасили лавочки, да и та давно облупилась.

Несмотря на общее уныние, улица хранила в себе отголоски прошлого. Узкие тротуары, укрытые в тени деревьев, вели вдоль невысоких домов – одно- и двухэтажных особняков, пропитанных историей. Когда-то здесь жили богатые купцы, владевшие этими землями до революции.

Некоторые из зданий были отреставрированы и теперь служили офисами, другие же стали общественными учреждениями.

Вернер на ходу достал телефон и перечитал короткую статью из Википедии. Слова «исторический центр», «архитектурное наследие», «зелёный оазис» звучали теперь как издёвка. Он прошёл мимо покосившейся скамейки, исписанной граффити, и перешагнул через валяющуюся пустую бутылку из-под пива.

Слева, на одном из восстановленных особняков, сияла неоновым светом вывеска «Зубной кабинет Майера». Напротив, в здании с облупившейся штукатуркой и выбитыми стёклами, судя по табличке, располагалась районная библиотека. Контраст был разительным.

Лейтенант продолжил свой путь, обращая внимание на детали: кованые решётки на окнах, лепнину на фасадах, старинные дверные ручки. В этих мелочах чувствовалось дыхание времени, отголоски ушедшей эпохи.

Параллельно он упражнялся в акробатике, чтобы не упасть в одну из многих выбоин.

Вдруг его взгляд упал на небольшой дворик, скрытый за покосившимся забором. Там, среди бурьяна и мусора, росла старая яблоня, усыпанная мелкими, но спелыми плодами. Вернер остановился, заворожённый этим неожиданным зрелищем. Яблоня, словно символ жизни, пробивалась сквозь запустение, напоминая о том, что даже в самых унылых местах можно найти красоту и надежду. Он сорвал одно яблоко и откусил. Кислый, но освежающий вкус напомнил ему о детстве и о саде рядом с домом.

Вернер улыбнулся. Зелёная улица оказалась совсем не такой, как он ожидал, но она всё же смогла его удивить. Он понял, что настоящая красота не всегда бросается в глаза, она часто скрыта в деталях, в истории, в неожиданных моментах. И, возможно, именно в этой обветшалости и запустении заключалась её истинная прелесть. Максим поискал глазами мусорку и, не обнаружив её, выбросил огрызок через забор, после чего продолжил свой путь.

Длинная улица упиралась в большую площадь, вымощенную старым камнем. Здесь по периметру, уже в советский период, построили райком партии, райсовет, Дом пионеров и другие учреждения, без которых жизнь любого города состояться не могла. Здесь также располагались культурные организации и библиотека, создавая атмосферу, насыщенную историей и памятью о прошлом.

За площадью начинался небольшой сквер. Он был запущенным, с покосившимися скамейками и облупившейся краской на старых фонарях. Впрочем, это прибавляло ему особый шарм, словно он был осколком прошлого, затерянным во времени. Несколько пожилых людей играли в шахматы под сенью раскидистых клёнов, не обращая внимания на прохожих.

Вернер пересёк сквер и вышел к месту, где улица Зелёная, словно река, впадала в перекрёсток, образованный двумя параллельными улочками, которые местные жители ласково называли "Двумя Сёстрами".

Именно здесь, на перекрёстке, четырнадцать лет назад произошла трагедия. Камера, установленная на одном из магазинов, зафиксировала всё. Мужчина, одетый во всё чёрное, сначала прошёл мимо Инги, не обратив на неё никакого внимания. Но что-то заставило его остановиться.

Что-то шевельнулось в его сознании, какая-то тёмная сила подтолкнула его к роковому шагу. Он обернулся, медленно, словно во сне, и последовал за девушкой, чтобы совершить свой злодейский замысел.

Вернер стоял на перекрёстке, где две дороги вели в разные миры. Каждый из этих абсолютно непохожих друг на друга жилых массивов Армавира обладал своей историей и мрачными секретами.

Один из них, компактный квартал, состоящий преимущественно из частных домов, местные жители иронично прозвали "Лос-Анджелесом". Возможно, из-за контраста между скромными жилищами и домами тех, кто считался местной элитой.

Другой район, напротив, поражал своими масштабами – тридцать четыре девятиэтажных дома, выстроившихся в серые ряды. За свою мрачную атмосферу и ощущение заброшенности он получил зловещее прозвище "Сайлент-Хилл".

Это название не было случайным. Максим ещё мальчишкой натёкался на одноимённую компьютерную игру. Там, в виртуальном Сайлент-Хилле, обитали зомби, а игроку предстояло, рискуя жизнью, пробираться сквозь мрак и разгадывать головоломки, чтобы достичь цели.

В Сайлент-Хилле кипела жизнь. Напряжение висело в воздухе, а криминальные сводки пестрели происшествиями из этого района. Когда расследовали убийство гражданки Пихлак, именно сюда бросили основные силы. Но, несмотря на горы перелопаченной информации – сплетен, пьяных бредней и анонимных доносов – следствие зашло в тупик.

В квартале одноэтажных домов, напротив, было тихо и безопасно. Здешние жители, как правило, соблюдали правила общежития и стремились не доводить дела до конфликтов. В районе не проводили облавы с участием спецназа. Небольшое количество ранее осужденных допросили, проверили на наличие алиби оставили в покое.

Вся территория, включающая районы многоэтажных домов, частного сектора и примыкающего к ним квартала, состоящего из офисных и муниципальных зданий, называлась Октябрьским сектором.

Ранее, до 90-х годов, это место именовалось Комсомольским, и по какой-то причине жители продолжали использовать старое название. Возможно, дело в том, что октябрь здесь ассоциировался с непрекращающимися дождями, напоминая муссонный сезон в Индии.

Или же быть комсомольцем когда-то было так же престижно, как сейчас быть звездой шоу-бизнеса.

Полицейских участков в Октябрьском секторе было два.

Первый располагался в самом центре оживлённого, но беспокойного квартала. Ежедневно, независимо от дня недели или праздников, сюда поступало множество сигналов о кражах, домашнем насилии и других правонарушениях. Девять участковых и три оперативника, едва успевали фиксировать поступающие заявления от населения.

В Лос-Анджелесе участок располагался в единственном трёхэтажном доме в районе, который возвышался над остальными зданиями, словно одинокий дуб над поляной.

Первый этаж занимали два участковых, а два верхних этажа – небольшой магазинчик и нотариус.

Вернер снова обвёл взглядом окружающие его неприметные здания, словно надеялся увидеть на них какой-то мистический знак, и направился в городской участок № 12. Дорога по

узкой улочке XIX века, одной из так называемых «сестёр», заняла около десяти минут неспешной ходьбы.

Глава 13. Хорёк, мышка и проверяющий.

Переступив порог полицейского участка, отгороженного от мира тяжёлой железной дверью, Максим Вернер тут же врезался в непреодолимое препятствие в виде мужчины в форме. Судя по майорским погонам, препятствие было должностным и, вероятно, не в духе.

– Приём граждан после пяти, у нас священный час обеда, – небрежно бросил офицер, оттесняя Вернера рукой, словно назойливую ветку. С видом человека, спешащего на встречу с судьбой (или, как минимум, с котлетой), он направился к лестнице.

– Мне нужен участковый, – бросил Максим в спину удаляющемуся мундиру. – Лейтенант Вернер. Проверка по уголовным делам пятнадцатого года.

Слово «проверка» подействовало как заклинание. Майор замер, а затем медленно развернулся, и теперь Вернер смог рассмотреть его во всей красе. И тут же понял: дружбы не будет.

Невысокий, сухопарый, с хищной физиономией хорька, мужчина в форменной рубашке с трудом скрывал вселенскую скорбь, обрушившуюся на него в лице незваного гостя. «Классический экземпляр, – мысленно поставил диагноз Вернер. – В меру ленив, в меру хитёр».

В участковых лет десять, не меньше – достаточный срок, чтобы служебный энтузиазм испарился, оставив после себя лишь горький осадок и желание дотянуть до пенсии».

– Вы с проверкой? – произнёс майор, явно не веря в то, что его прервали в столь неподходящий момент. – Но у нас до пяти перерыв.

– Ничего, я отвлеку вас от трапезы всего на пару минут, – улыбнулся Вернер. – А то и угостить могу. Если, конечно, вы не заказали себе омаров из парижского ресторана.

– Майор Шарков Дмитрий Леонидович. – Участковый ещё что-то пробурчал, но его слова утонули в громком звуке сирены скорой помощи. Машина, спешащая на вызов, быстро промчалась мимо и вскоре скрылась за поворотом.

– Какой там Париж... – с тоской вздохнул Шарков, провожая машину взглядом. – Две сосиски и пакет кефира – вот и весь наш гастрономический разврат.

– Отлично, значит, не разорюсь. Так что, сначала дела или всё-таки сосиски?

– Сначала дела, – решительно отрезал майор. – Они напрочь убивают аппетит.

Он распахнул дверь в свой кабинет, и Максим вошёл внутрь. Комната поражала спартанской пустотой: три стола, два громоздких шкафа, готовых, кажется, рухнуть под тяжестью архивной пыли, и воздух, пропитанный запахом старых бумаг и дешёвого кофе. В углу за хлипкой пластиковой дверью угадывался то ли архив, то ли пыточная для особо несговорчивых посетителей.

За крайним столом у окна сидела девушка в форме. Лет двадцати семи, она с нескрываемым любопытством буравила взглядом незваного гостя. Вернер окинул её оценивающим взглядом: крошечный курносый нос, будто его обладательницу в детстве приложили лицом к сковородке, и узкие щёлочки карих глаз. Вердикт был мгновенным: «серая мышка».

– Добрый день, – произнёс Вернер, слегка кивнув. Девушка ответила тем же.

– Это лейтенант Гербер, он из центра с проверкой, – пояснил участковый коллеге, у которой в глазах висел вопрос. – А это старший лейтенант Цербер. Шучу, Реброва её фамилия, зовут Галина.

– Вернер, – поправил Максим майора, стараясь, чтобы его голос звучал ровно, без оттенка раздражения. – Можно просто Максим.

– Здравия желаю, Максим, – поприветствовала его девушка, немного привстав над столом. – А что будете проверять?

– Не волнуйтесь, я по делам давно минувших дней. 2015 год, – успокоил её Вернер. – От вас потребуется лишь дать ответ на одно отдельное поручение.

Он расстегнул молнию на папке и протянул Шаркову лист бумаги.

– Будьте добры, ознакомьтесь.

Майор выхватил документ с видом человека, которому вручили счёт за проигранную войну.

Не удостоив бумагу даже беглым взглядом, он рывком открыл ящик стола и швырнул её внутрь, словно улику. Дело было официально принято в работу. В стиле местных участковых.

– Без проблем, сделаем. Сегодня, завтра дадим ответ, – участковый потёр ладони. – А теперь можно сходить пообедать?

Вернер на секунду опешил от такой бесцеремонности, но лишь молча кивнул. Майор, будто услышав выстрел стартового пистолета, подскочил со стула, сгрёб со стола пухлую папку и устремился к выходу.

– Извольте откланяться! – бросил он через плечо, распахивая дверь, и исчез в коридоре, оставив после себя лишь лёгкий сквозняк.

Едва за ним затихли шаги, как Галя Реброва преобразилась. Из уставшего сотрудника она превратилась в пантеру на охоте. Бесшумно, на мягких лапах, она приблизилась к главному достоянию кабинета – сейфу размером с небольшой холодильник. Ключи звякнули, как кастаньеты, и тяжёлая дверь с протяжным скрипом, достойным фильма ужасов, поддалась. Из тёмной утробы сейфа на свет божий явилась початая бутылка армянского чуда.

– По маленькой? Для храбрости и улучшения служебного климата.

Вернер, которого в глубине души уже терзали смутные сомнения («А что, если начальство? Да ладно, придумаю что-нибудь про дезинфекцию»), обречённо кивнул.

Реброва снова нырнула в сейф и извлекла пару гранёных ветеранов стекольной промышленности. В стаканы щедро полился коньяк

Вернер взял свой, повертел в руках, выискивая наименее запятнанный участок, и сделал осторожный глоток.

– Ну как тебе наш местный эликсир? – с любопытством спросила Галя.

Лейтенант не стал изображать из себя сомелье, способного по одному глотку определить географию и климат виноградника, из которого изготовили напиток, и просто пожал плечами:

– Тёплое. Входит с трудом.

– А я люблю, когда согревает, – промурлыкала Галя, медленно облизывая губы и глядя на Вернера так, словно он был последним пирожным на витрине.

Максим, который в этот миг делал второй глоток, неожиданно поперхнулся. Брызги коньяка разлетелись во все стороны,

несколько капель попали старшему лейтенанту на лицо. Она скривилась и принялась вытирать лицо рукой.

– Прости! – прокашлялся Вернер, хватаясь за спасительное оправдание. – Без льда – это просто отрава. Слушай, бросай это. Пойдём, я тебя пивом угощу. Холодным.

– Пойдём, пиво я люблю, – с энтузиазмом откликнулась девушка.

Вернер метнул в сторону бармена кивок, который в мире мужчин означает «два светлых, и побыстрее». Тот, словно алхимик у своего котла, привычно заворочил над краном, и в кружки хлынула шипящая золотистая струя. Пользуясь моментом, Вернер бросил взгляд на участковую. Кажется, коньячный душ она уже простила вселенной и теперь окидывала посетителей бара изучающим взглядом. В нём смешались профессиональное любопытство и лёгкая насторожённость хищника, лениво высматривающего добычу в своих охотничьих угодьях.

Перед тем как покинуть участок, девушка сменила наряд. Теперь на ней была длинная белая юбка, скрывающая недостатки фигуры, и блузка-ядовито зелёного цвета. Юбка скрывала ноги, но не могла скрыть походку старого боцмана, сошедшего на берег после полугодового плавания. Её качало, словно земля под ногами всё ещё была предательской палубой.

Вернер, отчаянно открешиваясь от связи с этой ходячей эклектикой, всю дорогу делал вид, что поглощён архитектурными изысками спального района. Этот немой спектакль для

случайных прохожих рухнул, как карточный домик, когда Галина с бесцеремонностью танка взяла его под локоть.

Бармен с грохотом водрузил перед ними две запотевшие кружки. Вернер жадно припал к своей, ощущая, как ледяная влага с ноткой благородной горечи растекается по горлу, смывая остатки неловкости. Пиво было на удивление хорошим.

– Ну что, лейтенант, оттаял? – спросила Галя, наблюдая за ним с лукавой улыбкой.

– Это нектар богов по сравнению с твоим «коньячным приветом», – честно признался Вернер. – Я в принципе не фанат крепких напитков.

– А чего же ты фанат, лейтенант? – усмехнулась она, чуть подавшись вперёд.

– Порядка. И когда всё идёт по плану, – уклончиво ответил он, изучая узоры пивной пены.

Галина рассмеялась так заразительно, что пара мужиков за соседним столиком обернулась.

– Ах, вот как! Тогда тебе сейчас, должно быть, некомфортно, да?

Вернер тяжело вздохнул. Прямо в яблочко.

– Это самое мягкое из приличных слов, которые приходят на ум, – признался он.

Косые взгляды других посетителей буравили их столик. Вернер пытался расшифровать эти немые послания. Может, она замужем, и весь район осуждает адюльтер прямо у них на глазах? Или, наоборот, свободна, и это смотрины нового кавалера?

Чтобы хоть как-то разрядить повисшую тишину, Вернер решил задать девушке нейтральный вопрос о том, как она проводит свободное от работы время и как относится семья к её роду деятельности.

Девушка рассказала, что не замужем, но воспитывает ребёнка, рождённого вне брака. Вернера словно ударило током. Он поймал себя на мысли, что подсознательно ожидал услышать именно это. От этой догадки ему стало стыдно, и он поспешил сменить тему.

– Давно в органах? – спросил Вернер, осушая свой бокал с такой жадностью, будто тот пытался от него сбежать.

– Если скажу, сразу поймёшь, что я уже не девочка, – попыталась пошутить девушка, но улыбка получилась натянутой и быстро исчезла. Она вздохнула и ответила: – Шесть лет. Скоро капитана дадут.

– И все шесть лет – «на земле»? Участковым?

– Нет, что ты. Пару лет в канцелярии просидела, параллельно училась. Потом стало скучно, перевелась в инспекцию по делам несовершеннолетних. А на участке я всего два года.

Вернер кивнул. «Инспекция по делам несовершеннолетних... это должно быть тяжело», – подумал он, представляя себе картины неблагополучных семей, сломанных судеб. Он невольно восхитился коллегой: она выбрала путь, требующий немалой душевной силы.

– И как тебе на участке после всего этого? Небось, как с курорта в окопы? – спросил он с неподдельным интересом.

Девушка пожала плечами.

– По-разному. Скучать не приходится. Здесь всё как на ладони, все проблемы района проходят через тебя. Видишь и хорошее, и плохое. В канцелярии, конечно, спокойнее было, но... как-то от жизни оторванно. А здесь ты реально можешь что-то изменить, кому-то помочь. Хотя, конечно, чаще всего просто разгребаешь последствия.

Она замолчала, глядя куда-то в сторону.

– А что самое сложное в работе участкового? – спросил он, шумно отхлёбывая из бокала.

Галина усмехнулась.

– Да всего понемногу. Пьяные драки, семейные скандалы, кражи... Но самое сложное – это когда ты понимаешь, что ничего не можешь сделать. Когда видишь, как люди сами себя губят, и не можешь им помочь. Или, когда знаешь, кто виноват, но у тебя нет доказательств.

Вернер кивнул, понимая её. Он и сам не раз сталкивался с подобным. Бессилие – это, пожалуй, самое страшное чувство для полицейского.

– А положительные моменты присутствуют? – спросил он, надеясь услышать что-то позитивное.

Участковая задумалась на мгновение.

– Когда получается помочь. Когда видишь, что твоя работа действительно имеет значение. Когда ребёнок, которого ты вытащил из плохой компании, начинает нормально учиться. Когда семья, которую ты помирил, снова живёт в мире. Вот тогда понимаешь, что всё не зря.

– Ладно, хватит обо мне, – внезапно оживилась Галина. – Теперь твоя очередь, сыщик. Рассказывай.

– Ну, рассказывать особо нечего, – начал Максим, стараясь придать голосу служебную монотонность. – Только из школы полиции, практика в Павлограде. Теперь вот сослали в ваш славный город – потрошить архивные дела. Напарник, подполковник, слёг с чем-то героическим, так что отдуваюсь в гордом одиночестве. Надеюсь, он поправится и присоединится к празднику в ближайшее время.

– Женат? – выпалила Реброва, не давая ему перевести дух.

Максим удивлённо вскинул брови.

– Когда бы я успел? Между строевой и изучением Уголовного кодекса?

Девушка усмехнулась.

– Это дело нехитрое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.